

LA PUISSANCE
PAUVRE

Georges Sokoloff

LA PUISSANCE

PAUVRE

Une histoire de la Russie
de 1815 à nos jours

édition revue et corrigée

Fayard

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Жорж Соколофф

БЕДНАЯ
ДЕРЖАВА

История России с 1815 года до наших дней

Перевод с французского

Второе издание

Издательский дом ГУ ВШЭ

Москва 2008

УДК 94(470 + 571)

ББК 63.3(2)

С59

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Перевод с французского *Н.Ю. Паниной*

Научный редактор перевода — *Е.Г. Ясин*

Научный консультант — д-р ист. наук профессор *Ю.И. Рубинский*

Издание подготовлено при участии Фонда «Либеральная миссия»

«La Puissance pauvre» de Georges Sokoloff

ISBN 2-213-02431-6

ISBN 978-5-7598-0552-6

© LIBRAIRIE ARTHÈME FAYARD, 1993

© Панина Н.Ю., перевод с французского,
2007

© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ,
2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Е.Г. Ясин. Вместо предисловия: автор и книга</i>	9
Введение. Бедная держава	17
История России с 1815 года до наших дней	19
Мобилизация	21
Стимулирование	22
Идеологическая обработка	25
<i>Библиография</i>	28
Пролог и глава I. Маркиз-оракул	30
1. Китайская стена	32
2. «Недоброжелательный наблюдатель»	33
3. набросок российской деспотии	36
4. неизбежная революция	40
5. Русская угроза, нависшая над Европой	43
6. Маркиз размышляет: обман или реальность?	46
7. Россия – современная варварская страна	48
<i>Библиография</i>	49
Глава II. Беспокойная строгость	51
1. Движущие силы и настроения в Европе	52
2. Железный царь	58
3. Революционные волны и российская твердыня	60
4. Внутренний порядок: национальный вопрос и интеллигенция	64
5. Царизм, аристократия и крепостное право	72
6. Экономическая отсталость России	77
7. Крымский узел	86
<i>Библиография</i>	92

Глава III. Ожесточенная борьба отжившего с живым	94
1. Время реформ	96
2. Причудливый взлет российской промышленности	105
3. У России – самостоятельная внешняя политика	114
4. Смертельная схватка с «капитализмом»	125
<i>Библиография</i>	134
Глава IV. Ожесточенная борьба отжившего с живым (окончание)	136
5. Ужесточение внутренней политики	136
6. Обнищание крестьянства	151
7. Блеск и нищета Министерства финансов	159
<i>Библиография</i>	163
Глава V. Бэль-эпок (начало XX века)	165
1. Сияние Запада	166
2. Система Витте	174
3. Противники и сторонники	182
4. Враждебные силы	191
5. Необычайно опасный год	197
<i>Библиография</i>	210
Глава VI. Между миром и войной	212
1. О пользе поражений	213
2. Российская экономическая броня и ее изъяны	217
3. «Темное» сельское царство	228
4. Моральный дух нации	234
<i>Библиография</i>	248
Глава VII. Шок, треск, крах	250
1. Экономическая система проявляет стойкость, моральный дух слабеет	253
2. Всепоглощающая пучина революции	261
3. Опрометчивые обещания: земля	270
4. ...Мир...	278
5. ...Хлеб	282
6. На дне пропасти	288
7. Осадное положение	292
8. Опасности маскарада	296
<i>Библиография</i>	303

Глава VIII. Восстанавливающиеся силы	305
1. Запад в состоянии шока	307
2. Комиссары и торговцы	315
3. Консолидированное государство	326
4. Резкие возражения «левого» крыла	333
5. Канун новых сражений	338
6. Гроза приближается	346
<i>Библиография</i>	360
Глава IX. Реванши	363
1. Право убивать и строить	365
2. Сталинские пирамиды	372
3. Чудовищное решение крестьянской проблемы	381
4. Управление предметами	391
5. Укрощение людей	402
<i>Библиография</i>	412
Глава X. Реванши (окончание)	414
6. Внешняя политика: от одной двойной игры к другой	414
7. Просчеты и катастрофа	426
8. Перелом в войне и триумф	441
9. Атаки, сопротивление, столкновения	457
10. Последние судороги сталинского режима	471
<i>Библиография</i>	484
Глава XI. Двойная ошибка наследников Сталина	486
1. После освобождения	488
2. «Доносчик, наследующий состояние своей жертвы»	508
3. Хрущевские угрозы и фиаско	522
4. Изменение стиля	542
5. Брежневские сделки	553
<i>Библиография</i>	576
Глава XII. Вечное возвращение бедной державы	578
1. Перегибы в международной политике СССР	580
2. Обескровленная экономика	595
3. Разочарование в обществе	605
4. Паралич власти	614
5. «Ускорение»	626

6. Перестройка	632
<i>Библиография</i>	659
Глава XIII. Окончательный переполох	662
1. Прощание с глобальной супердержавой	666
2. Евразия, сократившаяся до размеров СССР	673
3. Зигзаги перестройки	686
4. Реакционные поползновения	705
5. Расчленение и конец СССР	722
<i>Библиография</i>	737
Эпилог	739
<i>Библиография</i>	755
Общая библиография	757
Послесловие к русскому изданию	762
Приложения	
Статистическое приложение.	
Экономический рост в Российской империи и в СССР	771
<i>Библиография</i>	776
Хронология	782
Именной указатель	868

Вместо предисловия: автор и книга

Российскому читателю предлагается книга Жоржа Соколоффа — Юрия Петровича Соколова, французского политолога, историка, экономиста, специалиста по России, идея опубликования которой в нашей стране принадлежит Фонду «Либеральная миссия». Мы долго спорили, как ее назвать в русском переводе — «Нищая держава» или «Мощь и нищета», и в конце концов остановились на «Бедной державе», близко к французскому оригиналу «La Puissance pauvre». Соколов сказал: все же Россия не нищая.

Книга охватывает историю России примерно с 1815 года (Венский конгресс) и до 1991 года — окончания правления Горбачева. Это живой, увлекательный, я бы сказал, рассказ о важнейших экономических и политических событиях, социальных процессах, идейных течениях русской общественной жизни, погруженных в контекст международных событий. Он ориентирован на французского читателя. Вопрос в том, насколько он интересен современному российскому читателю. По-моему, интересен. Во-первых, потому, что Соколов — француз, но русского происхождения, воспитанный в русской семье. По его собственным сведениям, родившись во Франции в 1935 году, до шести лет он говорил только по-русски. Но то, что он стал одним из лучших знатоков России во Франции, объясняется не одним лишь использованием знания русского языка как конкурентного преимущества: судьба нашей страны ему небезразлична. Во-вторых, мнение Соколова заслуживает, мне кажется, нашего особого внимания, поскольку это взгляд на Россию человека заинтересованного, знающего, но все-таки со стороны. Я бы сказал, непредвзятого, не включенного непосредственно в наши отечественные разборки, способного о многом судить более объективно.

Еще одно достоинство книги — цельность рассмотрения важнейшего этапа нашей истории, стремление автора уловить и понять взаимосвязанность процессов, логику событий, отметить значимые развилки истории, после которых страна все более поворачивала к исходу, определившемуся в 1991 году.

Короче, я убежден в том, что множество людей в нашей стране с удовольствием прочтут эту книгу, даже если большая часть написанного в ней им известна.

Несколько слов об авторе. Его дед, Александр Соколов, был хор-мейстером в Орловской губернии. Он женился на девушке из весьма состоятельной дворянской семьи по фамилии Эйх, то ли немецкого, то ли голландского происхождения. Они занимались разведением лошадей. Отец Ю. Соколова Петр Александрович имел еще одного брата, погибшего в годы революции, и сестру Наталью Александровну. Она до сих пор жива и до недавнего времени работала в Газпроме, а раньше — в Госснабе СССР и объясняла своему племяннику все тонкости организации снабжения в советской плановой экономике, когда он получил возможность приезжать в Россию, а общение с родственниками перестало представлять для них опасность.

Петр Александрович в Гражданскую войну начал воевать на стороне красных: хотя происходил он из полуаристократической семьи, революционные идеи не были ему чужды, как почти всем интеллигентным молодым людям. Но в 1919 году, когда Добровольческая армия Деникина подступала к Орлу, он, по его собственным словам, подслушал разговор «соратников», которые, обсуждая вопрос о необходимости ликвидировать подозрительных в своих рядах, упомянули в числе прочих и его фамилию. Это побудило его, будучи в Орле, перейти к белым. С ними он и воевал до конца Гражданской войны. В ноябре 1920 года вместе с остатками армии Врангеля он покинул крымские берега и оказался на Принцевых островах в Мраморном море, где какое-то время пребывали потерпевшие поражение белые части. Оттуда он попал в Тунис, где находились корабли царского флота. В 1922 году Франция установила дипломатические отношения с СССР, и эти корабли перешли к Советскому правительству. А Петр Соколов, проработав в Тунисе какое-то время врачом по гражданской специальности, уехал в Париж. Там он повторил трудную судьбу русского эмигранта во Франции: рабочий на заводе Ситроен, певец в хоре, шофер такси. Одно время разрисовывал платки.

В этот период он познакомился со своей будущей женой Валентиной Владимировной. Она была родом из Одессы, из состоятельной семьи Друговых. Дед по матери, Владимир Николаевич Другов, имел квартирный бизнес и поддерживал тесные связи с фирмой Фаберже. Он оказался провидцем, так как покинул Одессу и уехал в Париж еще весной 1917 года: вероятно, было уже ощущение, что для «буржуев» в России вскоре настанут трудные времена.

Валентина Владимировна была красавицей, после окончания школы она служила моделью у Нины Риччи. Ее первый муж был бельгийцем, но что-то, видимо, не сладилось. И она нашла себе русского бедняка из аристократов.

Я остановился на судьбе родителей Ю.П. Соколова, этих русских людей, выброшенных из своей страны, потому что их история очень типична. Можно сказать, это часть истории России, которую потом описал их сын. Эта потеря для нее — песчинка в огромном потоке потерь, истощивших в значительной мере ее национальные ресурсы.

Юра пошел в школу в годы войны при правительстве Петэна, и поначалу ему было трудно, потому что он был русским, плохо владел французским языком и, понятно, выделялся среди сверстников. Позже он полностью вписался в среду. Первые его планы были стать геологом. Но кроме того, в беспутные дни юности выявился его музыкальный талант: он пел, танцевал, играл на фортепиано. Я помню, как он поразил меня в 1991 году в Париже, в доме нашего общего друга А.А. Туринцева, виртуозным исполнением джазовых мелодий.

В 20 лет, посчитав геологию юношеским увлечением, Ю. Соколов оказался студентом Sciences Po — института политических наук. Это было в 1955 году. Началась алжирская война. Политическая жизнь бурлила. В Парламенте блистал умнейший председатель Совета министров Пьер Мендес-Франс. Газета «Ле Монд» была замечательной газетой, образцом тех замечательных газет, секрет которых ныне, увы, утрачен.

Я это пишу не от себя, а цитирую интервью Юрия Петровича, которое он дал по моей просьбе студентке Высшей школы экономики Марии Снеговой, чтобы я мог рассказать о его жизни в этом предисловии. Маша его спросила, в частности: «Вы сказали, что чувствуете себя французом, а жена находит в Вас русские черты. Что это за черты?»

Ответ Соколова: «Трудно судить о себе самом. Безалаберность, наверное, какая-то. Я родился во Франции, школа моя, действительно, французская, европейская, если хотите. Но что-то в генах моих все-таки не так, какая-то русская богема. Есть вещи, которые не совсем совпадают с французским образом жизни, с образом жизни французской буржуазии, где все гораздо больше стоит на местах, чем “у нас”».

Это его слова. Это «у нас» дорогого стоит, объясняет тональность книги, которую Вам, дорогой читатель, предстоит прочесть. Книга эта живая, рациональная и легкая — по-французски, но написанная не вчуже, с сопереживанием — по-русски.

В 1995 году к власти во Франции пришел генерал де Голль. Была принята новая, более авторитарная Конституция. Кончилась постоянная смена кабинетов Четвертой республики, началась история республики Пятой. Молодыми выпускниками Sciences Po это воспринималось как ненормальность, «хуже Путина» (это слова Соколова). «Во французской демократии вдруг появился какой-то генерал. Ну хорошо, он освободил Францию когда-то. Что из этого? Де Голль был консерватором, националистом, а мы, я и мои друзья, чувствовали себя левыми по сравнению с ним».

— Левыми в каком смысле, что Вы имеете в виду?

— Ну, левые, скажем, за социальный либерализм. Теперь, если подумать, все выглядит иначе. Де Голль, конечно, консерватор и националист, но он гениальный политик, великий шоумен. Он сумел закончить алжирскую войну, хотя за него голосовали все те, кто хотел в ней победить. Он вывел Францию из империи. Вместо идеи империи он предложил ей другую идею — идею Европы. Хотя считается, что у истоков объединенной Европы стояли другие имена, например Роберт Шуман, все же подлинный союз между Германией и Францией — самое главное для построения Европы — создали Шарль де Голль и Конрад Аденауэр. Для компенсации потери империи де Голль повернул политику в сторону большей независимости от США и в сторону более тесных отношений с Россией.

Вы знаете, как тяжело давался выход из империи Великобритании, как тяжело он сейчас дается России. Во Франции, я считаю, де Голль решил эту задачу просто здорово. Ну и, конечно, он при этом укрепил порядок и демократию. Он ушел, когда посчитал, что потерял доверие. Порядок в понимании де Голля, как и в моем понимании, — это порядок гражданский, по закону, без зачисток оппозиции, а не как у вас (здесь «как у вас». — Е.Я.) — порядок политический, силовой, то есть надо избавиться от выборных губернаторов, от коммунистической партии, от олигархов, потому что с ними неудобно управлять.

Де Голль здесь уместен как некая модель, в сравнении с которой можно лучше понять русские порядки, логику российской истории. И еще по одной причине. Потому что какое-то время Ю. Соколов прямо работал на де Голля, когда в 1966 году готовилась его поездка в Москву. До этого с 1962 года, пополнив свое экономическое и правовое образование, Соколов занимался международной экономикой и политикой. Поскольку русский язык был для него родным, естественно, он стал изучать Советский Союз наряду с другими социалистическими странами в только что созданной правительственной группе перспективных международных исследований (Groupe d'études prospectives internationales), преобразованной потом в Центр (СЕРП), приобретший мировую известность. В то время у нас еще была «оттепель», появилась известная статья харьковского профессора Евсея Либермана «План, прибыль, премия», ставшая сигналом надежды на возможные реформы в плановой экономике. А в 1965 году, уже после смещения Н.С. Хрущева, началась косыгинская экономическая реформа. Это все было тогда модным и интересным и у нас, и на Западе.

После поездки де Голля были созданы рабочие органы франко-советского сотрудничества — Большая комиссия, куда входили министры, и Малая комиссия, которая, собственно, работала. В составе последней был отдел взаимной экономической информации, в которой Ю. Соколов

стал секретарем. Он начал разъезжать по Советскому Союзу, участвовать в многочисленных встречах с высокопоставленными чиновниками, бизнесменами из Франции, работавшими в СССР, нашими хозяйственниками. Накапливался материал. В 1984 году, под конец эпохи застоя, руководитель советской части группы по взаимной экономической информации, тогда заместитель председателя Госплана СССР Н.П. Лебединский, как-то разоткровенничавшись, рассказал о дискуссиях в высших эшелонах власти Советского Союза: о том, что по-мнению многих Госплан не справляется и что нужны серьезные реформы. Ведь только недавно русские вторглись в Афганистан, в Польше подавлялась деятельность «Солидарности», был сбит южнокорейский Боинг. Контакты между Западом и Востоком почти прекратились. Работа франко-советской комиссии едва теплилась. Но появилось ощущение, что приближаются новые времена, крупные перемены.

За это время Ю.П. Соколов серьезно вырос, стал профессором в университете, начал писать книги. Первой в 1976 году вышла его книга «Economie Obeissante» — «Послушная экономика», — это, конечно, про советскую экономику. Вторая книга — по материалам второй, типа нашей докторской диссертации — была посвящена связям между советской экономикой и западным капиталом. Она была переведена на английский; автор приобретал известность. Третьей, уже в 1993 году, вышла «Бедная держава», русский перевод которой лежит перед Вами. Она была итогом размышлений о связи между державностью и уровнем развития страны. Потом последовали другие книги. Одна из них, являющаяся как бы продолжением этой, насколько мне известно, готовится к выходу на русском языке. Юрий Петрович многое знает о нас. Слава Богу, пришло и нам время узнать о нем.

К русскому переводу «Бедной державы» Ю. Соколов по моей просьбе написал послесловие, перебрасывающее мостик между временем, на котором заканчивается книга, и нашим временем. Это короткий, но очень многозначительный текст. Главный его герой — русская великодержавность, ее роль в нашей новейшей истории.

Я познакомился с Соколовым в 1991 году, в кабинете Аркадия Ивановича Вольского, президента РСПП. Тогда я работал у него директором Экспертного института. Их было трое — Ю.П. Соколов, А.А. Туринцев, предприниматель из Франции, сын протоиерея А. Туринцева, бывшего духовника чуть ли не половины первой русской эмиграции, и И.А. Гучков, банкир, внук А.И. Гучкова, в прошлом лидера партии октябристов и председателя III Государственной думы. Эти люди откликнулись на призыв своей бывшей Родины и приехали ей помогать.

Сам Соколов в вышеупомянутом интервью сказал о начале этой истории так:

— Когда начались перемены в Союзе, к концу горбачевской перестройки, ко мне пришел мой давний друг Юрий Рубинский, работавший в советском посольстве. Он рассказал о том, что московская мэрия планирует начать малую приватизацию, а потом — большую. Опыта нет, нужна помощь. «Мэрия приглашает тебя в качестве советника». Второй проект касался реорганизации и приватизации ЗИЛа, он финансировался французским правительством. В связи с этим проектом трое друзей и приехали тогда в Москву.

Я уж не помню, как продвигался этот проект, видно, заглох где-то после 1994 года. Но мы уже подружились. Тогда было время кризиса, распада, тяжелой национальной драмы. Но и время надежд, иллюзий. Они, видимо, и подтолкнули этих людей, по жизни трезвых, очень практичных, откликнуться на зов. Может быть, потом наступило какое-то разочарование. Но, думаю, все же никто из них не пожалел о потраченных усилиях и времени.

В книге, хотя она написана ранее, содержится предупреждение: Россия опять дошла до национальной катастрофы, хотя подобные события уже бывали в ее истории и уроки не были извлечены. Все происходит потому, что всякий раз, поднимаясь после очередного кризиса, Россия дает возможность силам великодержавности, консервативным силам, думающим лишь о величии государства, но не о нуждах народа, взять верх. И следом каждый раз начинается движение вспять, заканчивающееся новым кризисом. Идея достаточно проста и очевидна, она придает особую актуальность книге в наши дни.

Соколов начинает со ссылок на Астольфа де Кюстина, представившего николаевскую Россию в самом неприглядном свете. Сегодня наши государственники и националисты косят его почем зря. Злобный был маркиз, однако писал пусть неприятную, пусть с передержками, а все-таки правду. Но мы не желаем слушать критику от иностранцев: у них самих, дескать, пригороды бунтуют и негров вешали. Хорошо, не читайте. Возьмите своего Салтыкова-Щедрина. Ведь еще похлеще будет.

На самом деле беда не в том, что у нас есть недостатки, а в том, что мы, в силу корыстных интересов, в том числе властей предрержащих, не хотим от них избавляться. Вроде все понимают, что отсталость душит страну, что она нуждается в модернизации, причем не только оборудования, но и институтов, нравов, культуры в целом. Но нет, всякий раз возникают настоящие баррикады, на которых закрепляются силы деспотизма и казнокрадства, со знаменем сохранения неприкасаемых обычаев и традиций.

Я сошлюсь только на один пример в книге Ю. Соколова. Он посвящен С.Ю. Витте. Оказавшись на посту министра финансов, Сергей Юльевич почел необходимым повысить свою квалификацию и перечитал массу экономической литературы, ему ранее неизвестной. Наряду с Марк-

сом, Маршаллом и другими авторитетами он прочитал и выделил труды немецкого экономиста Фридриха Листа. Я помню, нам о нем рассказывали в университете как о представителе «антинаучной» исторической школы. «Антинаучной», потому что она отрицала закономерности в истории, расходясь тем самым с марксизмом.

Витте в трудах Листа обратил внимание на другое: тот писал о необходимости развития промышленности в Германии в период, когда Англия ушла далеко вперед и, чтобы догнать ее, надо было ломать многие традиции и устоявшиеся институты. В России шли те же дискуссии: зачем пропускать страну через чистилище капитализма?

Соколов пишет о мучительных размышлениях Витте: «Чтобы противостоять Западу, надо обладать силой. Сила же приобретается путем освоения новых технологий, иными словами — принятия западного экономического учения. Но каким же образом признавать необходимость расширения связей с Западом и в то же время сохранять национальную самобытность?».

Соколов называет это «восточной дилеммой», ибо она стояла не только перед Россией, но и перед всеми восточными странами, включая исламские государства, Индию, Китай, Японию.

«Если замедленный промышленный рост, — пишет он, — неизбежно приводит к военным поражениям и политическому унижению, то во что может вылиться возвеличивание своей самобытности?» Далее следуют слова, которые особенно важны для нас сегодня: «**Всякой стране тяжело выкорчевывать собственные корни.** Однако тот, кто намерен, подобно Бисмарку, выиграть свой “промышленный Седан*”, должен через это пройти».

Сейчас другая эпоха, доля промышленности сокращается в экономике всех развитых стран. И для России индустриализация позади. Но дилемма по сути та же. Только вместо промышленности сейчас инновации во всех сферах, рост производительности, непрерывные усилия по поиску и развитию новых рынков, чтобы быть конкурентоспособными. А для этого необходимы гибкие институты, высокие образованность и культура, неразрывно связанные со свободой и доверием. Они, однако, несовместимы с государственным деспотизмом, произволом, великодержавностью, съедающими силы народа. Соколов вспоминает В.О. Ключевского: «Государство пухло, а народ хирел». Этому надо положить конец — таков стержень книги, ее внутренний пафос.

В том же интервью он говорит: «В одном я с Женей (со мной. — Е.Я.) не согласен. Я считаю, что эпоха реформ 1990-х годов неизбежно

---

* Седан — сражение во Франко-прусской войне 1870—1871 годов, в котором Франция потерпела сокрушительное поражение, а для Бисмарка был открыт путь к созданию Германской империи. — *Примеч. науч. ред.*

должна была вызвать реакцию, то есть некоторый откат. Путин — это нормальная реакция после таких крутых перемен, какие пережила Россия. Она пройдет, это не реставрация».

Дай Бог, отвечаю я. Но каждый раз, когда Россия делала шаг вперед, это вызывало реакцию. Никогда не было полной реставрации; только державность, заменяющая народу благосостояние, государственный деспотизм в не меньшей степени обретали силу, чтобы подавлять воображение и энергию граждан. А как на этот раз? Посмотрим.

Е.Г. Ясин

ВВЕДЕНИЕ

Бедная держава

Жил-был в Москве блестящий преподаватель истории по имени Василий Осипович Ключевский. Рассказывая своим студентам об их стране и ее прошлом, он нередко сообщал захватывающие факты. Но один из этих фактов, который профессор любил приводить чаще всего, был весьма многозначительным: дескать, Россия страдала от неестественного отношения внешней политики государства к внутреннему росту народа.

В те годы (более века тому назад) мысль о том, что империя не располагает ресурсами, соответствующими ее мощи, была уже далеко не нова. Русская интеллигенция твердила об этом в прозе и даже в стихах. Что касается завсегдатаев европейских салонов и государственных канцелярий, они привыкли говорить о России как о «колоссе на глиняных ногах» со второй половины XVIII века. Об этом снисходительно упоминал Дидро, распространялся на данную тему и граф де Сегюр. Гораздо позже, применительно к брежневскому СССР, слова изменились («Верхняя Вольта с ракетами»), но смысл остался прежним. А вот «ястребы» американской администрации заявили сторонникам мирной политики, что советская угроза — это не шутка. Еще за два столетия до них Генрих, брат Фридриха II Прусского, брюзжал, что стоило бы остерегаться силы колосса, а не состояния его ног. Короче говоря, на Западе было сломано немало копий в спорах о том, таит ли Россия в себе угрозу или скорее внушает жалость. Таким образом, никто не оспаривал всерьез излюбленную «аномалию» Ключевского. А ведь она являет собой грандиозный парадокс, особенно если учесть ее долговременность. Разве можно представить себе слаборазвитую сверхдержаву, да к тому же еще и долговечную, продолжающую существовать?

После постановки проблемы хотелось бы во всем разобраться, и прежде всего понять, каковы причины русской приверженности двум

факторам — экспансии и бедности. Однако исследователям, рискнувшим ступить на эту почву, пришлось забраться в столь отдаленные исторические дебри, что в итоге они не вынесли оттуда ничего полезного. Для большинства из них главным виновником такого положения, по видимому, является «татаро-монгольское иго», под которым Россия оставалась в течение двух столетий после ее захвата монголами в 1240 году. Этим, дескать, объясняется экономическая отсталость, неизбежная при столь долгом разрыве с западной цивилизацией. Там же якобы берет начало жажда завоеваний, свойственная царям, которые были озабочены поиском все более обширных территорий вдоль границ страны с целью ее защиты. Достоинство данной версии — хотя бы в том, что она не приписывает захватнический дух русскому народу, старинные пословицы которого гласили: «В чужих руках пирог больше, да и ломоть кажется толще», а также: «Свое как свое: мило, хотя и гнило». Таким образом, сторонники «татарской версии» упорно продолжают считать русский парадокс некоей данностью, либо, выражаясь языком интеллигенции, неизбежностью, составляющей часть национальной судьбы.

Вот почему, пожалуй, данная книга задается вопросом (в нем и будет заключаться основная интрига): каким образом российские власти смогли разрешить проблему этого давнего парадокса? Предъявляя чрезмерные относительно своих экономических возможностей требования на международном поприще, они рисковали потерпеть поражение (воздушный шар лопается) либо вызвать революцию (котел взрывается), либо и то и другое одновременно. Подобные катастрофы и вправду происходили. Попутно они доказали, что Россия не застрахована от присущей ей «аномалии» ни своими безграничными природными ресурсами, ни пресловутым терпением собственного народа. Тем не менее ее правителям в основном удавалось поддерживать внешне приемлемую связь между просторами своей империи и ее истинным центром, иначе говоря, между громадной плотью и сердцем России.

Каким образом? По теории Ключевского, благодаря импорту. Покупка иностранных технологий, а также необходимые финансовые займы якобы позволяли стране объединить два дотоле слишком разобщенных начала — невероятные усилия ее народа и куда менее значительные старания властей предрежущих. Обозревая, насколько это возможно, экономическое развитие России, поистине убеждаешься в том, что оно всегда зависело от западного капитала. Однако ни одно государство не может долго существовать за счет своих соперников, — в особенности отказываясь время от времени выплачивать свои долги. Поэтому в данной работе нам придется в первую очередь заострить внимание на мобилизации внутренних сил России.

История России с 1815 года до наших дней

Подобное исследование не может не идти по стопам истории. Во-первых, «все жанры хороши, кроме скучного» (спасибо Вольтеру); но если ты всего лишь писатель-дилетант, то быстро берешь неверный тон; в таком случае лучше рассказывать, чем рассуждать. Кроме того, для русских собственная история — это основная система отсчета; для того чтобы лучше понять, как они мыслят и действуют, нужно заглянуть в их прошлое. Наконец, — и это самое главное, — лишь история, когда мысленно разматываешь ее клубок, позволяет воссоздать то, что уже прошло.

В этой исторической реконструкции будут неизбежно фигурировать имперские замашки и материальная скованность. Они являют собой два полюса, задающие определенное направление особенной истории, представленной в данной книге. *Истории скорее «стратегической», нежели «культурной», скорее «государственной», нежели общественной, скорее продуманной, нежели заведомо известной.* Словом, некоей конкретной истории среди множества других возможных историй. Тем не менее читатель также найдет в ней ряд значительных моментов, которые нельзя было бы всерьез «полагать известными» и без которых нет целостной связи со всемирной историей. Среди ее неизменных фигурантов — Общество и Власть. Последняя, в том числе в лице представлявших ее государственных деятелей, пытается подчинить общество своей воле, навязать ему жертвенную идеологию, спекулируя на его патриотизме и вере в Бога. Обществом же, зачастую послушным, но питающим собственные материальные и духовные чаяния, — этим обществом становится все сложнее и сложнее управлять, по мере того как растет многообразие составляющих его групп, повышается уровень образования, а также увеличивается количество народностей, входящих в расширяющуюся многонациональную империю. Между властью и обществом находится интеллигенция, мужественно оспаривающая речи первой ради того, чтобы выразить реальные или мнимые помыслы последнего. За пределами страны — Запад с его «змеиной мудростью», предмет ее зависти и презрения; Россия взывает к нему в надежде получить идеи и материальные средства, призванные помочь ей догнать западные страны в развитии, и отвергает тот же Запад за отсутствие идеалов. Наряду с этими безличными главными персонажами не стоит забывать об отдельных личностях, ибо без их присутствия на подмостках истории она наверняка пошла бы другим путем.

Чтобы оркестровать все это многообразие, вероятно, следовало бы научиться применять множество других инструментов, а не только экономические и отчасти инструменты научного прогнозирования, находящиеся в моем распоряжении. Впрочем, научное прогнозирование — не такой уж плохой советчик. В отличие от некоторых исторических доку-

ментов, связанных друг с другом таким образом, как будто все «было известно заранее», оно явно свидетельствует о нашем бессилии направить настоящее к будущему по предначертанному пути. *Реальная история колеблется между несколькими возможными вариантами развития событий и делает окончательный выбор лишь благодаря часто неожиданному стечению множества обстоятельств. Это учит смирению.* Следовало бы также научиться не поворачиваться спиной к минувшему подобно зрителю, который не может не дрожать при повторном просмотре уже виденного им триллера.

Желая сохранить это нарочитое простодушие, наше сознание, очевидно, чувствует себя более свободно в рамках так называемого современного периода. Того самого, систему понятий которого мы схватываем на лету, который связан с появлением первых фотографий и статистики, научившей измерять доводы цифрами*. Это прежде всего период, чьи новые, достойные внимания темы до сих пор остаются для нас актуальными. Индустриализация, торговля и международные инвестиции; аграрная проблема. Распространение демократических идей в области формирования властных структур и права народов на самоопределение. Социализм, терроризм и экстремизм правых. Революционные волнения, вызванные колебаниями властей между преобразованиями и реакционной политикой. Возникновение поистине народных национальных движений, таких, как впервые опробованное русскими в победоносной борьбе с Наполеоном. Именно поэтому я не позволял себе двигаться назад, от последствий к причинам, за пределы начала XIX века, избрав Венский конгресс в качестве границы прошлого. Что касается финишной черты, она напрашивается сама собой: это глобальный кризис, разразившийся на обломках СССР в начале 1990-х годов.

В двух полярных точках этой истории Россия оказывается в диаметрально противоположных ситуациях: апофеоз 1815 года — недавний крах. Следует ли отсюда вывод, что экономическая реальность и общественные стремления, которым слишком долго не давали волю, одержали верх над честолюбивыми желаниями властей предержавных? Неужели «русский парадокс» канул в небытие вместе со своими притязаниями? Возможно. Однако судьба, которая выпала на долю этой страны, на протяжении одного лишь XX века была полна столь непохожими друг на друга событиями... Невзирая на все и вся, страна выбиралась из глубокого кризиса и продолжала свое победоносное шествие. Вдобавок самым привычным для прежней России состоянием являлось такое, в котором блеск

---

* Например, в «Рассуждениях о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской Империи» Ф.Г. Вирста, переведенных с немецкого на русский язык и изданных императорской типографией Санкт-Петербурга в 1807 году, содержится 28 статистических таблиц, являющихся не только полиграфическими шедеврами, но и превосходными наглядными средствами.

и нищета составляли как бы две стороны одной медали. Если уж спрашивать о чем-либо историю, то не столько о ее главном курсе (неизменно нуждающемся в подтверждении), сколько о ее зигзагах. Кроме того, поскольку эта «дама» по природе своей отличается скрытностью в силу излишней красноречивости, стоит заранее четко обозначить некоторые из обсуждаемых тем. В частности, предложить на рассмотрение ряд гипотез относительно того, каким образом царям и генеральным секретарям удалось постепенно искоренить в народе «прибавочную стоимость силы».

Мобилизация

В 1462 году, в год восшествия на престол Ивана III, Московия была немногим больше современной Франции. Однако эта крошечная Россия смело противостоит близлежащим государствам: по-прежнему грозным монгольским ханствам, оттоманской Турции, Польскому и Литовскому королевствам, а также Швеции. Она преодолевает внутренние, подчас жестокие, кризисы, как, например, «смутные времена», продолжавшиеся по меньшей мере от смерти Ивана Грозного (1584) до прихода к власти Михаила Романова (1613). Причем настолько успешно, что через три с половиной столетия ей суждено стать империей-континентом, таким «жандармом Европы». Будучи изначально нишей страной с примитивными технологиями, Россия смогла осуществить эту экспансию силой оружия лишь за счет чудовищной системы эксплуатации. Русские историки весьма убедительно назвали ее «мобилизацией всех классов общества» на обязательную государственную службу.

Государство объявило себя собственником земель и лишило бывшую боярскую знать ее владений. Оно предоставило владения с живущими там людьми новой аристократии, «чин» которой зависел от услуг, оказанных государству, особенно на поле брани. В XVI веке у этой системы было слабое место. Если с обитателями вотчины обращались слишком плохо, они могли поменять хозяина (в день Святого Георгия) либо, пользуясь частыми отъездами барина в деревню, совершали дерзкие побег в дальние края, в казацкие поселения («казак» в переводе с тюркского языка означает «свободный человек») на берегах Дона или Днепра. В следующем столетии подобные «побеги» были пресечены. Государство поработило вольных крестьян, закрепив их за поместьями. Отныне господа могли по своей прихоти облагать их податями и заставлять отрабатывать барщину. Это распространение крепостного права (исчезнувшего или ослабевшего в других странах) было явным признаком отсталости. Но оно свидетельствовало и об определенном прогрессе образа правления, основанного на принудительном труде. Государство заручилось не-

посредственно помощью чиновников, в которых оно нуждалось, а также косвенно обеспечило себя экономическими ресурсами, необходимыми для проведения своей политики*.

Царская политика могла временами демонстрировать «современные» манеры, как в эпоху Петра Великого. Однако ее методы, оставшиеся неизменными, противоречили ее целям и задачам. Отсюда — принудительная «европеизация», насаждающая цивилизованные нравы с помощью варварских средств: с одной стороны — грандиозный созидательный труд, ради которого государство закабалило дотоле свободных людей, с другой — индустриализация, предоставляющая хозяевам... право владеть крепостными.

В период, с которого начинается данное повествование, «мобилизация всех классов общества» была уже не такой, как прежде. В 1762 году аристократия избавилась от обязательной государственной службы. При этом она стала непосредственно пользоваться плодами крепостного права. Хотя последнее больше не играло свойственной ему «государственной» роли в мобилизации национальных сил, оно все же было сохранено. В этом крепостном праве, по-прежнему несправедливом и даже более «функциональном», чем раньше, уже не было никакого смысла, и оно продолжало существовать исключительно по причине неистребимого консерватизма царского режима. Пытаясь оправдаться, самодержавие прикрывается незрелой идеологической демагогией, навеянной известным девизом графа Уварова: «Православие, самодержавие, народность». Однако подобные формулировки, с помощью которых власть отстаивает эту позицию — «последнюю надежду на наше спасение», — в первую очередь показывают, до какой степени она чувствует себя в опасности.

Стимулирование

Нищета и беззаконие, цензура и техническая отсталость, полицейские репрессии и международная напряженность — все эти факторы, одновременно накапливаясь и разлагая общество, в конце концов создают благоприятную почву для перемен. Для того чтобы эти перемены произошли, необходима также смена власти — более молодой царь с другим окружением. Но прежде всего опять-таки необходимо, чтобы бывший режим изжил себя в связи с глобальным потрясением, произошед-

---

* Вкупе с высокими налогами, которыми облагались городские торговцы и ремесленники.

Кроме того, посредством своего влияния на православное духовенство власти предержавшие решили воспользоваться набожностью народа, чтобы сделать его еще более покорным.

шим в жизни страны. В середине XIX века это потрясение принимает форму «внешнего вызова»: империя оказывается неспособной защитить собственную территорию в Крыму от наступления немногочисленных, но обладающих техническим превосходством сил более развитого противника.

И тут начинается эпоха реформ. Она ознаменована исключительно важной переориентацией в умении примирять державную форму с холопской сутью. Первая прекращает расширяться, разве что за счет колониальных наростов. Зато последнюю продолжают активно подпитывать. Чтобы обеспечить более надежные тылы во время следующей войны? Разумеется. Между тем стоит принять к сведению, что один из двух наставников будущего Александра II, поэт Жуковский (другим был капитан Мордер), говорил царевичу: «Подлинная сила монарха заключается не в количестве солдат, а в благоденствии его подданных».

Даже в способе мобилизации рабочей силы происходит коренной переворот. Свидетельство тому — отмена крепостного права, провозглашенная в 1861 году. Крестьянство больше не отбывает трудовую повинность. Оно освобождено и в то же время из него выжимают все соки путем жестких бюджетных ограничений. Чтобы выжить в условиях формирующейся в это время рыночной экономики, приходится не щадить своих сил. Согласно концепции либерализма, укоренившейся в Европе тридцатью годами раньше, экономическое стимулирование сопровождается предоставлением политических прав. В России становится легче дышать. Представителям интеллигенции разрешается выносить свои взгляды на публичное обсуждение; граждан побуждают возлагать на себя ответственность в органах местного самоуправления; образование становится более доступным, а правосудие начинает действовать в соответствии с законом; переговоры и торговля с иностранцами способствуют ослаблению напряженности в обществе. Тем не менее властные структуры намерены и впредь осуществлять контроль за начатыми ими преобразованиями. Это стремление наглядно свидетельствует о сохранении авторитарной политики в сфере политических установлений.

Проблема активизации реформ

Обновление, проводимое «царем-освободителем» в ответ на «внешний вызов», представляет собой главную веху в русской и даже всемирной истории. Александр Гершенкрон попытался включить его в контекст более масштабного анализа борьбы отсталых стран за свое выживание. К такому же обобщению расположен и Арнольд Тойнби, чье пристрастие к «будоражающим вызовам» в истории культур давно известно. Интеллигенция, еще более склонная к теоретическим рассуждениям, но лишь по поводу того, что действительно вызывает у нее интерес, мгновенно

связала реформы Александра II с его отвлеченными размышлениями о судьбах России. Но больше всего ее поразил тот факт, что власть не сделала никаких уступок обществу в политической сфере. И тут интеллигенция, как обычно, ударилась в панику, причем она волновалась не зря. Самодержец, будучи единственной силой, способной привести в действие механизм либеральных перемен, неизбежно обречен пугаться этого джина, выпущенного из бутылки, и в конце концов идет на попятную. В его реформаторских устремлениях таится зародыш консервативной косности. Эти устремления постоянно нуждаются в новых импульсах. Вот чем объясняется неровный ход русской истории, в которой прогресс подменяется чередой скачков и топтаний на месте. На это сетуют некоторые интеллектуалы (дескать, наш путь далек от цивилизованных стран). Другие язвительно над этим издеваются (определенно подлинное спасение только в революции). Третьи, явно страдающие больше всех, усматривают в этом оправдание и своих либеральных склонностей, и консервативных настроений: будем реакционерами, говорит Катков, чтобы добиться возврата реформ...

Тем не менее механизм этого циклического процесса остается загадкой. Собирается ли история вновь потчевать нас вчерашним угощением? А именно: придется ли попутно столкнуться с «внешним вызовом» либо с другими провокационными силами, на сей раз внутреннего происхождения?

В самом деле, нетрудно представить себе некоторые из них. Так, российские высокопоставленные чиновники, разумеется, не упускали случая польстить самолюбию своего государя, заявляя, что экономические свершения, ответственность за которые возложена на них, не могли своевременно не упрочить мощь империи и даже подготовили ее к предстоящей войне. Однако, как только пора было переходить к боевым действиям, они, как правило, жаловались, что денег не хватает и на более важные цели. Чаще всего чиновники имели в виду не что иное, как экономическое развитие. Сколько же раз они становились жертвами непонятной силы, заставляющей людей осваивать окружающие их богатства по причине явной неспособности человеческого рода любоваться природой, не пытаясь ее перекраивать! И в данном случае какой природой! Россия, будучи относительно ограниченной в средствах по сравнению с государствами, которых она считала своими соперниками, в то же время являлась совершенно неразвитой, если учитывать ее необозримые просторы и массу неосвоенных полезных ископаемых. Коль скоро существует кардинальное объяснение достижений России, которое можно было бы поставить на одну доску с пресловутой «внешней угрозой», то не коренится ли оно в том самом «будоражающем вызове», выражаясь языком Тойнби, или зове «внутренней пустоты»?

И все же тут напрашивается одно возражение. Пустота и вправду может причинять беспокойство, но она сродни головокружению, а не

толчку. Порожденные ею страхи скорее способны продлить эффект полученного удара, чем подменить его. Поэтому следует поискать в ряду провоцирующих оскорблений нечто более убедительное.

Марксистская вульгата* вперемешку с буржуазной премудростью подсказывает нам, что слишком жесткая экономическая политика всегда и везде приводит в итоге к подрыву общественных устоев. Ряд российских государственных деятелей разделяли это мнение. Без улучшения условий повседневной жизни, говорили они, Россия, будучи очень религиозной страной, тем не менее никогда не сумеет стать нормальным цивилизованным государством. В сущности, они полагали, что покорность народа судьбе велика («кому суждено сгореть, тот не утонет», — и впрямь гласит одна из народных пословиц), но не безгранична. События 1905 года очевидным образом подтвердили их опасения. Однако в связи с этими событиями на память прежде всего приходят последовавшие за ними счастливые времена благоденствия. Эти события как бы показали, что «социальная угроза» вполне может сыграть в экономическом подъеме роль, сравнимую с ролью «внешнего вызова».

При более близком рассмотрении видно, что причиной взрыва, потрясшего Россию в 1905 году, была подлинно горячая смесь. То был поистине взрыв накопившегося общественного гнева. Впрочем, власть попыталась обратить это возмущение против других стран, но проиграла войну (еще одно национальное унижение). Когда ярость русского народа (если говорить лишь об этой этнической составляющей империи) вылилась в революцию, произошел государственный кризис. Итак, налицо тройной вызов, будоражащие последствия которого становятся, в сущности, более понятными. Тогда они казались исключительно долговременными. Итак, власть самодержавия ограничена, реформы надежно защищены от реакционных судорог?..

Во всяком случае, события могли бы принять такой оборот... если бы история в очередной раз не напомнила нам о том, что она всегда интернациональна, а также что она способна связать народы как в самые тяжелые времена (мировая война), так и в лучшие дни.

Идеологическая обработка

Сложно предположить, что Иосиф Сталин был слишком обеспокоен «социальной угрозой». И все же приступил ли он к техническому оснащению Урала и Сибири, поддавшись головокружению «внутренней пустоты» или предвосхищая «внешний вызов» Гитлера, чтобы обеспечить страну более надежными тылами? Это вовсе не праздный вопрос,

---

* Латинский перевод Библии. — *Примеч. пер.*

ибо он вновь возвращает нас к раздумьям о специфическом способе эксплуатации, сменившем эпоху реформ.

Специфическом? Слишком мягко сказано. В самом деле, нужно поразмыслить (причем не в виде отступления от темы или полосы густого тумана) над тем, является ли советский период неотъемлемой частью истории России. Сами же большевистские вожди неоднократно говорили о том, что их революция завершила российскую эпоху и положила начало эре мирового социализма.

Безусловно, — это отмечалось уже не раз, — естественный ход событий поспешил опровергнуть подобные заявления. Разумеется, коммунизм пришел на смену ортодоксальному государству, СССР — на смену империи, партия — аристократии, КГБ — Охранному отделению, колхозники заняли место крепостных крестьян. Да, автократия, руководящая роль государства, произвол, цензура, Сибирь никуда не исчезли. Точно так же по-прежнему проводилась индустриализация, надолго сохранялись отсталость (теперь уже в виде совдепии), тяга и ненависть к Западу, преимущественная ставка на милитаризм и вялое стремление к безопасности путем экспансии. Разрыв, существующий между внешним процветанием и реальной бедностью, продолжал заполняться всевозможными ухищрениями внутренней пропаганды и внешней лакировки. Неукротимый русский писатель не сдавал своих позиций. Сельские пейзажи не утратили своего очарования. Несмотря на изгнание из страны ее духовной элиты и подавление личности коллективизмом, люди ухитрились не превратиться в мутантов-ретроградов. На их лицах запечатлелись все хитросплетения атавистической двуликости: чувствительность и притворство, сообразительность и тугодумие, ироничность и ранимость, апатия и признаки страха. Более того, СССР, как и прежде, оставался колоссом на глиняных ногах. Страна, вновь съжившаяся летом 1919 года до величины средневековой Московии, за какие-то шестьдесят лет раздулась до размеров гигантской сверхдержавы. И конечно же экономическое управление не могло за ней угнаться. Словом, как писал один политолог поневоле: «Плагиат, свойственный человечеству, которого труднее всего избежать отдельным людям (и даже народам, упорствующим в своих ошибках и продолжающим их умножать), — это подражание самому себе».

Нельзя не признать, что, утверждая это, Пруст был прав в своей «Исчезнувшей Альбертине». Однако некоторые отличительные признаки советского социализма абсолютно затмевают любую карикатуру, гиперболу или перегиб царской эпохи. Новый режим был порожден кучкой профессиональных революционеров-фанатиков, готовивших переворот в своем враждебном окружении, бесконечно превосходившем их числом и возможностями. Воплотившись в жизнь, он сохранил немало своих первоначальных свойств. Так, во внешней политике он прибегал уже не

к «византийской», а к необычайно цельной и настойчивой дипломатии, способной извлекать как нельзя больше пользы из разногласий и колебаний противника. Во внутренней политике — уже не затыкание рта недовольным, а беспощадное уничтожение всех, кто якобы представлял угрозу для «духовного и политического единства» советского государства. В экономике — отказ от рынка и денежной системы (у которых свои собственные законы и причуды) ради непосредственного управления реальными потоками.

Идеология основателей нового строя проявляется не только в этих акциях. Она коренится в самой сердцевине советской системы эксплуатации. Последняя заимствовала свой этатизм у старой доброй системы принуждения. Однако данный режим, вознамерившийся выжать из людей супержертвенность, без которой нельзя было заполнить разрыв между «внешней политикой государства и внутренним ростом народа», не мог, собственно говоря, восстановить крепостное право. В то же время советская власть предала анафеме рыночные методы стимулирования. Поэтому она попыталась осуществить прямую идеологическую обработку умов. Новообращенные (в социализм) простодушные люди должны были оставаться благочестивыми («героическими»), то есть готовыми отказаться от своей доли благополучия, подобно тому как мусульманин отрекается от спиртного. Кроме того, поскольку новая вера предложила своей пастве надежду, а не покорность судьбе, ей вменялось в обязанность проявлять «энтузиазм». И потом в крайнем случае в запасе всегда остается *террор: когда его пускают в ход с должной настойчивостью, он также сводит на нет эгоистические побуждения и порождает формы истерии, способные сойти за воодушевление.*

Советская власть в своей охоте за душами не гнушалась, когда настаивали самые тяжелые времена, взывать к обыкновенному патриотизму. Однако неистребимость этой стороны русского характера (как и других вышеупомянутых черт) не мешала людям воспринимать советскую систему как нечто чужеродное для России. Как своего рода безумие для нее. Мы наблюдали это в 1921, 1953 и 1965 годах, когда новая власть оказалась неспособной (в гораздо большей степени, чем прежняя) по-настоящему перестроиться, чтобы спасти страну. Она создала слишком жесткую систему принципов и практических методов, чересчур узкие рамки которой не оставляли места ни для чего, кроме тактических проволочек, призванных спасти сам режим. То же самое мы наблюдали в начале 80-х годов прошлого века. Противоречия между волей к власти и средствами для ее сохранения обострились до предела. Между тем руководство утратило способность к террористическим перегибам, а идеологическая сущность строя уже давно исчезла. И тут из недр страны поднялись, казалось бы, навсегда ушедшие вешние воды. Они начали затоплять социалистический храм с его служителями культа и идолами.

Приблизительно в это время, приехав на несколько дней в Шанхай, я нелепейшим образом задавался вопросом, как можно быть шанхайцем. Как-то раз вечером совсем юный официант ресторана, изысняясь на мелодичном, достойном похвалы французском языке, принялся рассказывать мне о дразгах между своими вождями, о полиции, шпионящей за иностранцами на улицах, о своей зарплате величиной с мой ужин, о невозможности создать семью — словом, о коммунистических буднях. Вместе с тем все это — без единой жалобы и без каких-либо комментариев, за исключением одного-единственного, зато искреннего, страстного, восхитительного в своей неприкрытой наготе вопроса: почему? Разумеется, статистическая несостоятельность этого китайского анекдота налицо. Шанхай — это не Китай, а Китай — не Россия (примерно так выразится один из персонажей данной книги). И все же весьма любопытно, что, несмотря на неимоверную пропасть между обеими странами, разделенными тысячами километров, образами культур, уровнями жизни и общественными пристрастиями, люди способны сохранять это «почему» как всемирный политический опознавательный знак. Впрочем, русские и другие обитатели империи в конце концов тоже выкрикнули этот вопрос. Третья эра их истории закончилась. Сможет ли следующая эпоха занять подобающее ей место под знаком культуры, а не силы? Коль скоро всякий кризис является также надеждой на обновление, то, конечно, надо надеяться. Не забывая о том, что, как гласит еще одна из мудрых русских пословиц, «терпение лучше спасения».

Библиография

Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective, a Book of Essays. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1966.

Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective // The Progress of Underdeveloped Areas / Hoselitz (ed.). The University of Chicago Press, 1952.

Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. (Собрание сочинений, включающее «Курс русской истории».) М., 1956—1959.

Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1996.

Для справки

Порядок представления библиографических источников, в принципе, не будет отличаться в дальнейшем от того, который был избран для предисловия. В конце каждой главы читатель найдет не примечания, отмеченные в тексте номерами, а перечень книг и статей, знакомство с которыми поможет ему в случае надобности углубить свои знания по

затронутым темам. В конце книги представлена общая библиография, состоящая из основных источников, содержание которых выходит за рамки исторических периодов, рассматриваемых в каждой главе.

Специальное приложение посвящено динамике народонаселения, а также валового национального продукта Российской империи (СССР) на протяжении длительного периода. Читатель, который найдет в тексте точные показатели экономического и демографического роста, сможет обратиться к этому приложению для более подробных сведений.

Хронология, включенная в данное исследование, заслуживает особого внимания, ибо это фактически «книга в книге». Она составлена моим другом **Даниэлем Пинеем**, историком по образованию, и придерживается тем и разделов книги, привнося в ее текст необходимые уточнения и освещая преимущественно внешнюю политику страны. Насколько мне известно, нет во Франции другой такой подробной хронологии, охватывающей столь долгий период российской истории.

ПРОЛОГ И ГЛАВА I

Маркиз-оракул

1 — Китайская стена. 2 — «Недоброжелательный наблюдатель». 3 — Набросок российской деспотии. 4 — Неизбежная революция. 5 — Русская угроза, нависшая над Европой. 6 — Маркиз размышляет: обман или реальность? 7 — Россия — современная варварская страна.

10 мая 1831 года молодой Алексис де Токвиль, прибывший на пароходе в сопровождении своего друга Гюстава де Бомона, сходит на берег в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Из своего почти годичного путешествия по Соединенным Штатам и Канаде Токвиль привезет работу «О демократии в Америке». Это сочинение, первая часть которого выходит в свет в Париже в январе 1835 года, вскоре становится популярным во всей Европе. Пророчество Монтескье о том, что демократия переродится в демагогию, а демагогия в тиранию, казалось бы, сбылось, подтвержденное крахом Французской революции. Однако Токвиль обращается к европейским народам, вновь охваченным революционной лихорадкой, с обнадеживающей вестью: демократия может сохраниться и даже стать процветающей.

Кроме того, молодой человек безо всяких колебаний принимается пророчествовать при всяком удобном случае. Два великих народа, американский и русский, «шагают легким и быстрым шагом по жизненному пути, границы которого человеческий глаз не в состоянии разглядеть», пишет он, и «каждому из них, очевидно, суждено по тайному замыслу Провидения в будущем держать в своих руках судьбы половины мира». Однако, замечает он затем, у одного из этих народов в арсенале — лемех пахаря, частная собственность и свобода; у другого — меч солдата, всеисилие самодержца и порабощение крестьянина. Следовательно, их судьбам суждено когда-нибудь прийти в столкновение друг с другом. Согласно европейским представлениям о будущем мировом порядке,

одна из этих стран уже сейчас — источник света, а другая — та самая, которую Рональд Рейган окрестит полтора столетия спустя «империей зла».

В целях разоблачения русской экспансионистской политики Наполеон приказал опубликовать «Завещание Петра Великого». Это грубая фальшивка. Вместе с тем дурная репутация России, очевидно, не проистекала исключительно от ухищрений пропаганды. Она главным образом объяснялась тогдашним политическим раскладом. Для западного прогрессивного мнения Российская империя была в высшей степени одиозным воплощением мрачного деспотизма. После Венского конгресса она стала самым тяжеловесным из жандармов Европы. Чтобы лучше понять русских людей, требовался человек, который не довольствовался бы слухами, а рискнул самолично посетить страну; кроме того, такой, которого ярый консерватизм ее правительства не отвергнул бы априори.

Порой история все делает правильно. Всего лишь через четыре года после первого издания произведения Токвиля другой французский аристократ отправляется изучать Россию. Это маркиз де Кюстин по имени Астольф. К тому времени, когда этот солидный человек пересекает в Эмсе границу бескрайней империи, ему уже 49 лет. Его дед Адам-Филипп, генерал, тем не менее боровшийся за американскую независимость, а затем защищавший Французскую революцию, был казнен на гильотине. Отец маркиза Рено-Филипп тоже был обезглавлен за сотрудничество с жирондистами. Можно сказать, что Астольфу не по душе народная власть. Он ратует за просвещенную монархию, прислушивающуюся к мнению аристократии, является ревностным сторонником католицизма, любителем порядка и приверженцем, за некоторым исключением, традиционных ценностей. По словам де Кюстина, он едет в Россию, чтобы найти там доказательства несостоятельности представительной формы правления.

Маркиз, проделавший «почти тысячу верст», вернется из этой пятимесячной авантюры со своеобразным дневником, состоящим из тридцати шести писем, «Краткого отчета о путешествии» и нескольких приложений. Все это будет опубликовано в 1843 году в Париже в издательстве «Амь» под названием «Россия в 1839 году» и наделает много шума. Но именно тогда умирает последняя надежда на восстановление российской репутации. Вместо того чтобы предложить читателям расплывчатый портрет, Кюстин создает устрашающую картину царского деспотизма и опасностей для Европы, которые он таит в себе. Запад не просто находит здесь подтверждение своим опасениям относительно русской угрозы, а впервые получает представление о ней в виде четко выстроенной системы.

1. Китайская стена

Сразу же по прибытии в империю, а затем еще раз, при въезде в столицу, маркиз столкнулся с бесчисленными таможенными формальностями; вдобавок его подвергли в высшей степени пристрастному допросу по поводу истинных причин его приезда в Россию. «Как на заседании суда присяжных», — отметит он в своем дневнике. Посмотреть страну, заявили ему, — это не основание для поездки. Затем посыпались вопросы: что именно хочет он увидеть в Санкт-Петербурге, сколько времени собирается там оставаться, не прибыл ли он с дипломатической, государственной, тайной миссией или, на худой конец, с научной целью? Не послан ли он сюда своим правительством или какой-либо торговой фирмой для изучения политического и общественного уклада страны? В таком случае имеются ли у него рекомендательные письма? Разумеется, Астольф не может признаться в том, что знакомые, благодаря которым он впервые соприкоснулся с Россией, относятся к узкому кругу гомосексуальной аристократии («рыцари в кружевных манжетах», как говаривал Вольтер), а также в том, что он не стремится к скандальной известности, вращаясь в обществе великих писателей своего времени. Во всяком случае, когда Кюстин пытается объяснить, что путешествует по собственной воле, из чистого любопытства, он навлекает на себя недоверчивые насмешки своих мучителей: они не могут поверить, что в подобном случае кто-то способен выбрать для поездки именно Россию!

Попутчик, об имени которого Кюстин умалчивает, некий князь К***, тут же предупреждает маркиза, что подобный инквизиторский допрос — не что иное, как закономерное следствие манипуляции общественным мнением, к которому прибегает правящий режим. «Русский деспотизм, — заявляет он, — не только не считается с мыслями и чувствами, но искажает факты, борется с очевидным и побеждает в этой борьбе!» И тут в душу Кюстина закрадываются подозрения. Не преувеличивает ли этот странный русский дворянин или, того хуже, не провокатор ли он? Между тем маркизу не приходится долго ждать, чтобы убедиться, что «довольно гнусная слежка», которой он подвергается, а также «неуместные», «невежливые», «оскорбительные» вопросы, которые ему задают, проистекают, в сущности, довольно естественным образом от «неизменно скрытных людей, чьи ответы не более чем увертки». Не приходится ему долго ждать и чтобы начать собирать слова — секрет, молчание, ложь, двурушничество, хитрость, фальшь, лицемерие, надувательство, притворство, — которыми он станет пользоваться для неустанного развенчания самой вопиющей, немедленно бросающейся в глаза отличительной черты общества, в котором он оказался.

«В России, — читаем мы в 19-м письме, — повсюду властвует тайна: тайна государственная, политическая, общественная; полезная и беспо-

лезная скрытность, излишняя сдержанность ради того, чтобы умолчать о необходимом — таковы неизбежные последствия исконного характера этих людей, усугубленного влиянием здешнего образа правления». Этот отрывок как будто снова обличает национальный характер не в меньшей степени, чем политический строй. Однако десятью письмами ниже резко подчеркивается ответственность режима за подобное положение вещей: «Лгать здесь — это значит защищать общество, а говорить правду — подрывать устой государства». И далее: «Ложь в Петербурге равносильна исполнению своего гражданского долга; говорить правду, даже о самых внешне безобидных вещах, это то же самое, что замышлять заговор. Вы лишитесь милости Императора, если признаете, что он простужен: правда — это враг, это революция; ложь — это отдых, правопорядок, защита конституции; вот что такое истинный патриотизм!..»

И тут можно было бы представить, что Кюстин останавливается перед завесой лжи, горько вздыхая, как он сделал это в другом месте: «Что за нелепая страна, которая порождает только рабов, усваивающих, стоя на коленях, взгляды, которые им навязывают, шпионов, лишенных собственного мнения, дабы крепче ухватить чужое, либо насмешников, ступающих краски...» Но это значило бы плохо знать нашего путешественника.

2. «Недоброжелательный наблюдатель»

В конечном счете довольно сложно правильно понять этого человека, но стоит попытаться, чтобы уяснить его дальнейшее поведение.

Начнем с того, что кем он явно не является, так это легкомысленным гостем. Такой человек, говорит маркиз, не задает себе никаких вопросов. Он не видит никакой тайны, которую следует разгадать, так как готов поверить в любой обман. Стало быть, для него не существует различия между подлинной Россией и той, за которую ее хотели бы выдать Европе. Русские воздают ему должное за эту слепоту. «Стоит иностранцу развить бессмысленную деятельность — иронизирует 15-е письмо, — вставать рано и ложиться поздно, не пропускать ни одного бала, после того как он уже побывал на всех военных маневрах, словом, вести такую бурную жизнь, что не остается времени для раздумий, и он повсюду будет желанным гостем, к нему отнесутся благосклонно и примутся его чествовать; множество незнакомых людей станет пожимать нашему герою руку всякий раз, когда ему скажет несколько слов или улыбнется Император, и перед отъездом его объявят выдающимся путешественником. Я так и вижу перед собой мольеровского мещанина во дворянстве, которого дурачит муфтий».

Впрочем, следует ли и вправду сердиться на таких простаков? «Самые честные умы утрачивают способность к свободомыслию, как только они оказываются в России». В отличие от Астольфа, они не способны увидеть, что Петербург и близлежащие дворцы — не более чем «Лапландия, подкрашенная» согласно приказу режима, который представляет собой не что иное, как «загримированное варварство».

Но что же придает подобную остроту суждениям нашего маркиза?

Разумеется, вовсе не безупречное знание России. Он прочел о России все, что было тогда в наличии на французском языке, в том числе перевод «Истории...» Карамзина. Но Кюстин не знает русского языка; следовательно, он может общаться лишь с представителями высшего света, владеющими французским языком; ему также недоступна русская литература, что в ту пору уже является существенным недостатком. Вдобавок долгое путешествие маркиза далеко не полно, так как ограничивается в основном Петербургом, Москвой и посещением Нижегородской ярмарки. Итак, следует верить нашему герою на слово, когда он заявляет, ставя точку во всех спорах по поводу своей компетентности: «Я мало видел, но о многом догадался».

Зато это опытный путешественник. Возможно, даже пресыщенный? Пожалуй, на такую мысль наводит забавный отрывок из 27-го письма, где как будто слышишь отзвуки искушенных голосов современных бывалых странников: «При нынешней легкости способов сообщения между европейскими странами уже не знаешь, на какую нацию обратить свой взор, чтобы найти самобытные нравы или привычки, в которых подлинным образом выражался бы их характер. Обычай, недавно появившийся у каждого из народов, является следствием множества заимствований: из этого смешения национальных характеров в горниле всемирной цивилизации проистекает однообразие нравов, не доставляющее путешественнику никакого удовольствия». Нет, маркиз вовсе не пресыщен. Он лишь хочет сказать, что внешне похожие вещи всегда обманчивы для чужих глаз. Он же, «любопытный» и «неутомимый» странник, не согласен попадаться на удочку уловок и играть роль простофили, «с которой труднее всего смириться именно потому, что ее легче всего исполнять».

Дело не только в характере, но и в обстоятельствах. Астольф, признаваясь, что является по природе своей мизантропом, не скрывает, что его отношение к России становится по мере пути все хуже и хуже (это видно из его самоопределений). Сначала он просто «путешественник», «философ», «любитель истины», затем «правдоискатель» и «бывалый наблюдатель» (в 22-м письме он даже называет себя «профессиональным наблюдателем», что наверняка насторожило бы тех, кто допрашивал его в Петербурге), и в конце концов прямо заявляет, что из «беспристрастного зрителя» он превратился в «недоброжелательного наблюдателя». Что же произошло, неужели нашего героя плохо принимали? Конечно, нет, но его рассердила русская привычка «обмишурировать» (буквально: «уве-

шивать гирляндами» иностранцев), что, очевидно, звучит сегодня комично. Маркиз не желает поддаваться на шантаж оказанного ему гостеприимства. «Как, — возмущается он, — попади я в тюрьму и столкнись там с молчанием запуганных жертв, неужели я бы не посмел рассказать об их страданиях из опасения, что меня обвинят в неблагодарности, по причине любезности тюремщиков, соблаговоливших показать мне свои застенки?»

Раздражение Кюстина вряд ли объясняется и досадной неприятностью, приключившейся с ним в пути. Так, когда маркиз выходит из коляски, в которой он приехал на свой первый торжественный прием в столице, он цепляется за шпору и теряет вместе с ней каблук сапога. Естественно, невозможно описать смятение бедного Астольфа, поставленного перед выбором: то ли проявить неучтивость, то ли стать всеобщим посмешищем, но он один виноват в этом осложнении. В другой раз, когда наш герой возвращается из Нижнего, его экипаж опрокидывается: лошади обезумели при виде огромного слона, посланного персидским шахом в подарок царю! И правда, чудовищная встреча, но по прошествии первого испуга она, казалось бы, не должна была вызвать недовольство у путешественника, учитывая его нескрываемую неприязнь к однообразию.

В сущности, эта довольно неопределенная, но ярко выраженная смесь страха и злобы вызвана постоянной тревогой маркиза, опасавшегося, как бы не обнаружили его путевой дневник. Он уместным образом вставил туда — в качестве меры предосторожности? — лестный отзыв об императоре Николае. Однако, возможно, этого недостаточно. И вот, когда проводник, которого приставили к путешественнику, говорит ему со странной улыбкой при выезде из Москвы, что они поедут по сибирской дороге, бедный Астольф всерьез размышляет о том, не придется ли ему проделать этот путь до конца. Когда маркиз будет окончательно покидать Россию 26 сентября 1839 года, он вздохнет с облегчением: «Вот я и выбрался из царства обезличенности, мелочности и постоянных осложнений». Впрочем, как мы видим, это довольно слабое утешение. Задаваясь вопросом, почему путешественники, оказавшиеся за пределами Империи, не проявляют своей радости более откровенно, Кюстин остроумно отмечает: «Именно здесь я невольно восхищаюсь властью русского правительства над умами. Оно добивается не только молчания своих подданных, это пустяки, но и на расстоянии внушает уважение к себе иностранцам, вырвавшимся из его ежовых рукавиц». Если даже Кюстину все еще страшно, он отнюдь не намерен молчать. «Пора бы, — поясняет он в «Кратком отчете о путешествии», — этим людям, столь проникательно распознающим пороки и смешные стороны наших обществ, научиться терпеть чужую откровенность: окутывающее их официальное молчание вводит в заблуждение и истощает их ум; коль скоро они хотят

добиться признания народов Европы и общаться с нами на равных, им надлежит сначала смиренно послушать, как судят о них другие».

Таким образом, причины недружелюбной и, в конечном итоге, всем известной любознательности маркиза многочисленны. Можно было бы добавить сюда естественную для француза, даже не бонапартиста, неприязнь к государству, одержавшему двадцатью пятью годами раньше победу над его страной. Вдобавок в глубине позиции маркиза скрываются две вещи, заслуживающие внимания. Во-первых, его отчасти порочная склонность к загадкам, черта, позволяющая считать его предтечей советологии. «В свободном обществе, — пишет он, — все становится достоянием гласности и тут же забывается, ибо все сразу становится ясным; при деспотической форме правления все скрывается, но обо всем можно догадаться, отсюда — повышенный интерес ко всему: люди подмечают и запоминают мельчайшие подробности, нездоровое любопытство движет беседой, которая становится более занимательной по причине таинственности и даже наигранного безразличия; разум здесь таится под покрывалом, как красота у мусульман; если жители страны с такой формой правления не могут наслаждаться жизнью, то иностранец и по-давно не может не чувствовать себя здесь неуютно». Кроме того, если отбросить склонность к загадкам, налицо политическое разочарование. Кюстин, уехавший из Франции горячим сторонником сильной, не стыдящейся своей твердости власти, с нескрываемым ужасом столкнулся с тем, что он называет лицемерной тиранией: «Я твердо убежден, — отмечает он по этому поводу, — что можно и должно править людьми, не обманывая их». Как же велико его разочарование от встречи с авторитарным режимом, не решающимся выразить собственную суть: «Я надеялся увидеть страну, где царит спокойствие власти, уверенной в своей силе, но, прибыв сюда, убедился, что здесь царит лишь безмолвие страха». Раз уж этому мнимому очарованию порядка надлежит покоиться на страхе, «парализующем мысль», к черту подобный режим! Как истинный миссионер Кюстин дает в заключение дружеский совет читателю: «Если ваш сын будет недоволен Францией, воспользуйтесь моим советом, скажите ему: “Поезжай в Россию”. Это полезное для всякого иностранца путешествие; тот, кто однажды побывал в этой стране, будет доволен жизнью в любом другом месте. Всегда следует помнить, что существует общество, где счастье совершенно невозможно, ведь человек по природе своей не может быть счастливым без свободы».

3. набросок российской деспотии

В свете данного столкновения между русским пристрастием к таинственности и требовательным характером маркиза можно рассмотреть

созданную им уничижительную картину политического и общественного состояния империи. На заднем плане, разумеется, повсюду таится страх, «подлинный властелин России, порождающий мир без спокойствия». Но тут просматривается некая довольно своеобразная заинтересованность, на которую нам указывает сам Кюстин.

Подобно хорошему педагогу, маркиз отталкивается от упрощенной схемы системы, которой предстоит развиваться в дальнейшем.

На ее вершине — Самодержец собственной персоной. «Нельзя забыть ни на миг, — напоминает 29-е письмо, — об этом единственном в своем роде человеке, благодаря которому Россия мыслит, рассуждает и живет; об этом человеке, уме и совести своего народа, который предвидит, оценивает, повелевает, раздает все необходимое и дозволенное другим людям, заменяя им таким образом разум, волю, воображение, чувства, ибо под этим гнетом ни одному созданию не положено ни дышать, ни страдать, ни любить вне рамок, очерченных заранее высочайшей мудростью, заботящейся или, по крайней мере, призванной заботиться обо всех нуждах как отдельных людей, так и самого государства».

Без сомнения, самодержавие придумывает различные отговорки, чтобы узаконить узурпацию в своем лице всех властных полномочий. «Государь, ни во что не ставя силу убеждения, берется за все дела самолично под предлогом того, что сильная центральная власть необходима правительству такой необъятной империи, как Россия». Однако это замечание из 35-го письма, естественно, не мешает пронизательному маркизу понимать, что истинное обоснование легитимности абсолютной власти коренится не здесь, а в том, что он называет «ложными добродетелями»: «Народы, ослепленные блестящей мишурой преступления и размахом некоторых злодеяний, обусловленных стечением обстоятельств, в конце концов начинают полагать, что существуют две разновидности правонарушений, две морали, и что необходимость соблюдать государственные интересы, как некогда говорили, оправдывает высокопоставленных преступников, лишь бы они умели согласовывать свои бесчинства с потребностями страны».

Последняя фраза наводит на мысль о существовании некой общественной договоренности с режимом. Однако Кюстин тотчас же старается развеять это впечатление. Механизм, посредством которого власть исполняет свои обязанности, по сути, сводится к одному: насилию, «такому насилию, — уточняет 22-е письмо, — *которое заставляет раба лгать самому себе, дабы испытывать благодарность к тирану*»*.

Насилие — это многочисленные картины избиений, телесных наказаний, которые ежедневно можно наблюдать на улице, а также тюрьмы.

---

* Здесь и далее текстовые выделения полужирным курсивом сделаны научным редактором. — *Ред.*

«Жертвы этой гнусной политики уже не люди, — говорится в 20-м письме, — эти несчастные, лишенные всяческих прав, влачат жалкое существование, чуждые всем, позабытые всеми, потерявшие самих себя во тьме своей неволи, где безумие становится следствием и последним прибежищем неизбывной тоски <...> Они позабыли даже собственное имя, которое надзиратели спрашивают у них ради забавы, грубо и всегда безнаказанно издеваясь над ними, ибо в этих преисподних царит такой вопиющий произвол, такой беспросветный мрак, что исчезают следы какой-либо справедливости».

Кроме того, и, возможно, в первую очередь олицетворение насилия — это Сибирь. Олицетворение столь красноречивое, что маркиз не задумываясь, говорит, что она не что иное, как «гипербола России»; столь омерзительное, что мысль о ней не выходит у него из головы: «<...> словом, на каждом шагу здесь я вижу перед собой призрак Сибири и думаю о том, что означает название этой политической пустыни, этой бездны ужасов, этого кладбища живых людей, обители неслыханных страданий, края, населенного подлыми злодеями и доблестными героями, колонии, без которой эта империя была бы такой же неполноценной, как дворец без подземелий». В числе политзаключенных, о которых упоминается в 15-м письме, Кюстин не упускает случая почтить вниманием польских борцов с царизмом. Обличая их русских палачей, он прибавляет: «...Что ж, когда они до конца заполнят свой политический ледник, их действия увенчаются успехом: Сибирь станет королевством, а Польша превратится в пустыню».

Что может противопоставить российское общество этому режиму террора? Кюстин, как уже говорилось, не успел как следует узнать русских людей. Он неохотно признает это, указывая, что «природа этого народа, вероятно, непостижима для иностранца, проезжающего через их страну столь быстро, как я проехал через Россию». Незнание отнюдь не мешает нашему герою набросать в своем «Кратком отчете о путешествии» рискованный и талантливый, как все, что выходит из-под его пера, портрет русского народа: «<...> они и поныне остаются византийскими греками, церемонно вежливыми, как китайцы, грубыми или по меньшей мере неделикатными, как калмыки, грязными, как лопари, красивыми, как ангелы, невежественными, как дикари (за исключением женщин и некоторых дипломатов), хитрыми, как евреи, коварными, как вчерашние рабы, с приятными, по-восточному степенными манерами, по-варварски жестокосердными, язвительными и заносчивыми от бессилия, вдвойне насмешливыми и от природы, и от сознания своей неполноценности, легкомысленными, но лишь на первый взгляд: русские по сути своей способны на значительные дела...»

Но так ли уж важен, в сущности, национальный характер, если политического образования у русского народа нет и в помине. У него еще, собственно говоря, не сформирована социальная структура: ни купцов

(не считая иностранцев), ни адвокатов (за неимением правосудия), ни писателей, ни художников, никакого среднего класса. Что уж тут говорить о крестьянах, этих «людях-растениях», этой «человеческой разменной монете», рабах рабов, какими являются царедворцы?

Конечно, это иерархическое общество, и, как мы увидим, Кюстин признает, что «чины» играют определенную роль в российской политике. Однако наличие рангов, на которые поделено общество, лишь еще больше указывает на его подчиненность деспоту. «Эти люди, похожие на автоматы, — говорится в 9-м письме, — напоминают половинчатую шахматную партию, ибо один человек играет всеми фигурами с невидимым противником — народом. Обитатели этой страны движутся и дышат лишь с царского позволения или по царскому приказу; поэтому все здесь мрачно и напряженно; безмолвие управляет жизнью и парализует ее. Офицеры, кучера, казаки, крепостные, придворные суть холопы разного звания, принадлежащие одному господину, слепо бредущие к указанной им неведомой цели; это образец безупречного порядка». Покорная нация отныне может только пить («величайшим наслаждением этого народа является опьянение, иными словами, забвение») и жаловаться («русские не умеют протестовать против угнетения, но зато умеют охать и стонать»).

На данном этапе Кюстин хочет создать общее впечатление громадного, но превосходно отлаженного, бездушного и безжалостного механизма. Совершенной машины? «Благодаря царящему здесь единообразию, — утверждает маркиз, — несмотря на огромную протяженность территории, все приказы от одного края России до другого исполняются с небывалой точностью и согласованностью». Бесчеловечность? «Умы здесь дергают за ниточки, а чувства взвешивают, выверяют, упорядочивают, будто каждой страсти, каждому желанию придется отвечать за последствия своих действий перед неким суровым духовником, переодетым в жандарма». Даже в наблюдениях самого маркиза все настолько похоже, что вслед за фрагментом из 34-го письма, где говорится о жестокости системы, мог бы следовать отрывок из 18-го: «Убийство здесь рассчитано и происходит размеренно; одни люди убивают других людей по военному четко и методично, без злобы, без волнения, без слов, со спокойствием более жутким, нежели безумство ненависти. Они толкают друг друга, сбивают с ног и топчут, они ходят по чужим трупам, подобно механизмам, мерно вращающимся вокруг своей оси».

Но, делая подобные обобщения, милейший Астольф не преминул также заметить, что у чудовищно совершенной машины, которую он описывает, нет иного мыслимого будущего, кроме самоуничтожения. «Чрезмерное упрощение, — размышляет он, — это не сила, это смерть. Абсолютная власть <...>, которая управляет подобиями людей, и сама становится призраком». Однако, чтобы возбудить интерес читателя, автору надо придумать нечто другое: скажем, напротив, предсказать России великую судьбу. Он так и поступает: «Все туманно в будущем этого

мира, но одно не вызывает сомнений: ему суждено увидеть странное представление, которое разыграет перед другими нациями этот народ с предначертанной свыше судьбой». Чтобы приподнять завесу над этим странным представлением — никак не меньше чем революция и завоевание Европы, — маркизу следует пересмотреть свои общественно-политические схемы или, как он говорит, «отыскать решение проблемы, обусловленной противоречием между принципом абсолютизма и множеством исключений».

4. Неизбежная революция

Кюстин упоминает вскользь о возможности реформ, в которые он не верит, ибо «любая перемена в России рискованна; народы, лишённые всяческих гарантий, опираются лишь на собственный опыт». Итак, поскольку «изо всех частей света Россия — это континент, где у людей меньше всего реального счастья», она может быть только «паровым котлом». Следовательно, перемены произойдут в ней путем революционного взрыва. 29-е письмо развивает эту мысль в следующих выражениях: «Не забывайте, дабы правильно оценить сложности политического положения в этой стране, что народ будет тем более страшен в своем возмездии, чем более он невежествен и чем дольше будет продолжаться его терпение. Правительство, не стыдящееся ничего, ибо оно кичится силой, которую себе приписывает, является скорее пугающим, нежели устойчивым: скрытое недовольство в обществе, оупение в армии, а среди властей преобладающих — страх, который разделяют даже те, кого боятся больше всего...»

Как дальновидный, то бишь осмотрительный, пророк маркиз остерегается предсказывать, когда именно произойдет революция: «В обществе, которым правят, как этим, страсти бурлят долго, прежде чем вырваться наружу, — предупреждает 21-е письмо, — хотя опасность час от часу все ближе, зло сохраняется, кризис затягивается; наши внуки, возможно, не увидят взрыва, который мы тем не менее можем предвидеть уже сегодня как неизбежный, но точного срока которого не предсказываем».

Нельзя осуждать маркиза за подобную осторожность, тем более что и она защищает от главного обвинения, которое можно было бы предъявить его предсказанию: последнее попросту несовместимо с созданным им образом безупречной деспотической машины. И тут, предвосхищая подобную критику, Астольф прибегает (как и во многих других случаях, когда он противоречит сам себе) к обычному риторическому ухищрению: его письма, дескать, представляют собой путевые впечатления, и он оставляет за читателем право систематизировать их. Однако это довольно грубая уловка. И все же маркиз снова ссылается на «исключения» и

пытается доказать в 29-м письме, что при всей своей жестокости царский режим не может подавить всякую революционную силу: «В физическом отношении климат, в духовном отношении правительство этой страны уничтожают в зародыше то, что слабо; все непрочное или недоразвитое погибает, едва родившись; остаются лишь грубые люди и натуры сильные как в хорошем, так и в плохом смысле. Россия — это страна необузданных страстей либо немощных духом, бунтарей либо автоматов, заговорщиков либо машин...»

Хотя Кюстин таким образом признает, что не все русские «в восторге от рабства», ему все же следует попытаться точнее обрисовать мотивы и особенности революционных сил. Маркизу очень хочется поверить своему первоначальному предчувствию, ибо оно совпадает с одним из его глубочайших убеждений, согласно которому народы процветают лишь в том случае, если остаются самобытными, верными своему национальному духу. Поскольку главный порок русского правительства коренится в подражании Западу, — маркиз еще вернется к этой теме, — революция, вероятно, будет носить националистический характер. У нее для этого якобы имеется народная база («Полюбуйтесь, сколь сильны у наций их врожденные склонности: более сотни лет просвещенные русские, вельможи, ученые, сильные мира сего вынуждены были кланяться идеи и копировать образцы всяческих европейских обществ; что ж! это нелепое угодничество государей и придворных не помешало народу оставаться самобытным»). Кроме того, у революции того и гляди появятся опасные приверженцы в лице «бородатых русских»: «<...> русский, одевающий фрак у себя дома, напоминает мне иностранца. У истинных русских, которые носят бороду, такое же мнение на сей счет, как и у меня, и они намереваются когда-нибудь расправиться со всеми этими хлыщами, не соблюдающими старинных обычаев, равнодушными к подлинным интересам Отчизны, теми, кто предает свою страну ради культурного соперничества с иностранцами».

Самое сложное в этой славянофильской революционной гипотезе заключается в следующем: чтобы обосновать наличие русской угрозы для Запада, Кюстину придется доказать, что в конечном счете порок подражания преобладает у русских над добродетелью самобытности. Поэтому, чтобы чересчур не противоречить самому себе, маркиз отчасти оставляет свое первое предположение и устремляется к другому.

Следующая гипотеза, основанная на утверждении, что первоначальная модель деспотии постепенно становится более совершенной, делает акцент на двойственной роли бюрократии — автор в основном развивает эту мысль в 31-м письме. В самом деле, маркиз в конце концов понял, что российский режим, сколь бы централизованным он ни был, не может функционировать без посредников, которые не только обеспечивают, но и ограничивают царскую власть: «Они затрудняют даже действия самого императора, подозревающего, что он не настолько всемогущ, как

ему говорят, но несмотря на это поразительное открытие, в котором он не хотел бы себе признаваться, по-прежнему не понимающего, где предел его власти». Зато Астольф конечно же это знает: «Этим пределом является бюрократия, страшная сила повсюду, ибо злоупотребление ею именуется любовью к порядку, но в России она страшнее, чем где-либо еще».

Почему же она так страшна? Не потому ли, что «сущность этого образа правления в мелочности, халатности и коррупции»? Это было бы банально. Или потому, что налицо «административная тирания, подменяющая царский деспотизм»? Это означало бы практически то же самое. Нет, эти «незримые деспоты» страшны тем, что они олицетворяют «самые отвратительные силы, когда они выступают вместе: деспотизм и революцию!» Итак, именно бюрократы-чиновники готовят революцию, причем двумя путями, уточняет Кюстин: «прямым путем, с помощью своих идей, и косвенным, посредством ненависти и презрения, которые они вызывают у народа». Косвенный путь более или менее понятен, так как, будучи посредниками или заместителями центральной власти, «эти незримые деспоты безнаказанно угнетают страну из своих государственных канцелярий». Но прямой путь с помощью идей? Следующий отрывок отчасти приподнимает завесу над умозаключением Кюстина: «Этот класс чиновников, ненавидящих в глубине души порядок, которым они управляют, пополняется в основном за счет поповских сыновей, таких банальных карьеристов, бездарных выскочек, ибо они не нуждаются в личных заслугах, дабы заставить государство обратить на них внимание, людей, близких ко всем сословиям и не принадлежащих ни к одному из них, умов, разделяющих одновременно все предубеждения выходцев из народа и все претензии великосветских людей, за вычетом энергии первых и мудрости последних; словом, поповские дети — это революционеры, призванные поддерживать установленный порядок».

Маркиз как ревностный католик полагает, что его религия является единственно подлинной и, главное, единственной верой, проводящей четкое различие между духовной и светской властью, в то время как в России церковь всецело подчинена высшей власти, следствием чего, естественно, становится народное стремление к другой, независимой религии. Однако ожесточенные нападки маркиза на «поповских детей» явно вызваны не только этими конфессиональными соображениями. Очевидно, он хочет обосновать свое предыдущее утверждение о неспособности режима преобразиться путем реформ и, в сущности, намекает на известного деятеля российской истории Михаила Сперанского*.

---

* Действительно, Сперанский — сын священника (из Владимирской губернии), а также выдающийся представитель российских реформаторов. Благодаря своим в высшей степени блестящим успехам в учебе он был замечен князем Куракиным, а затем министром внутренних дел Кочубеем. Именно он осуществлял в 1809—1811 годах реформатор-

Но это отступление рискует завести нас далеко в ущерб другой про- роческой, весьма отличающейся и значительно более важной теме — русской угрозы для Европы.

5. Русская угроза, нависшая над Европой

Кюстин подмечает три общественных явления, довольно тесно взаимосвязанных в его представлении о русской угрозе: «враждебное подражание» Западу, «тщеславные чувства» властей предержавных и захватни- ческие побуждения, внушенные народу-рабу.

Тот факт, что Россия является, как считает маркиз, по сути вторич- ной державой, не вызывает никаких сомнений при чтении следующего фрагмента 14-го письма: «Природа и история ничего не значат в русской культуре; ничто не было порождено ни здешней почвой, ни народом: никакого прогресса не было, в один прекрасный день все было завезено из заграницы». Этот «прекрасный день» восходит, разумеется, к царство- ванию Петра Великого, что особенно красноречиво подчеркивается в «Кратком отчете о путешествии»: «Именно Петр Великий со всей при- сущей ему удастью гениального самородка, со всей дерзостью донельзя нетерпеливого от сознания собственного всеислия самодержца, с на- стойчивостью, присущей железной воле, мгновенно отобрал у Европы готовые плоды цивилизации, вместо того чтобы смиренно и медленно выращивать их ростки в собственной почве; этот чересчур хваленый дея- тель не оставил после себя ничего, кроме искусственного творения: по- разительно, но добро, которое совершил этот гениальный варвар, оказа- лось скоротечным, а причиненное им зло непоправимым».

Это непоправимое зло, считает Кюстин, ибо можно сказать, что отныне участь русской цивилизации предрешена. Она уже не в силах оказывать на Европу реальное влияние, возможность которого могла бы обеспечить ей только культура, проистекающая из медленного и есте- ственного развития. «Россия оказалась лишенной труда, создающего ве- ликие народы и готовящего почву для возвышения нации, то бишь воз- можности просвещать другие народы <...> Русская нация вечно будет

ские планы Александра I в период его увлечения либерализмом. Сперанский коренным образом перестроил государственный аппарат, унаследованный от Петра Великого, и воз- ложил рассмотрение законов на Государственный совет. Это первое разграничение функ- ций исполнительной и законодательной власти должно было, по его замыслу, усилиться за счет создания парламента — Государственной думы, благодаря которому самодержавие могло бы постепенно превратиться в конституционную монархию. Вместе с тем Сперан- ский слыл сторонником отмены крепостного права. Противники этого политического деятеля, а также война послужили причиной его опалы в 1812 году. Он был сослан в Нижний Новгород; гораздо позже в этот город, к тому времени переименованный в Горь- кий, отправят и академика Сахарова.

ощущать на себе пагубные последствия этого отсутствия подлинной жизни в период своего политического пробуждения». Ее высшее общество со свойственными ему неестественными благородными манерами — наглядная картина всеобщей незрелости. Кюстин со своей всегдашней резкостью изображает это в 19-м письме: «Эти дурно воспитанные, но уже превосходно вымуштрованные русские хорошо одеты, решительны, самоуверенны; они гоняются за европейским лоском, не понимая, что изысканные манеры ценятся лишь в том случае, если свидетельствуют о чем-то еще более ценном за душой их обладателя; будучи рабами моды, они принимают видимость за суть вещей; глядя на этих дрессированных медведей, я сожалею об их диких сородичах; русские еще не превратились в воспитанных людей, но уже стали испорченными дикарями».

Но несмотря на то что «медведей» переодели в «обезьян», как еще более «любезно» заявляет Астольф, и таким образом лишили Россию способности оказывать на Европу «естественное» влияние, это не устранило из души властей преобладающей характерной для них агрессивности. Напротив, Кюстин указывает, что восхищение Западом неразрывно связано у этих людей с желанием одержать над ним верх. Они сочетают «желание подчинить своих соседей со слабостью подражать им». В «Кратком отчете о путешествии» маркиз с необычайной пронизательностью описывает двойственное отношение России к Западу. Оно начинается тогда, «когда копируют внешнюю оболочку общества, не проникаясь приводящим ее в движение духом, когда обращаются за культурными наставлениями к иностранцам, в то же время завидуя их ценностям и не уважая природы этих ценностей, когда такое подражание носит враждебный характер и одновременно оборачивается глупостью, коль скоро у соседа, к которому относятся с напускным презрением, заимствуют все, вплоть до способа обустройства дома, фасона одежды, образа речи...»

Помимо психологических аспектов проблемы, подражание Западу — прямой путь к тому, чтобы российские вожди направили на Европу свои территориальные притязания. Дескать, страна становится поистине великой державой лишь в том случае, если начинает вмешиваться в европейские дела. В сущности, маркиз столь сильно осуждает русских за то, что они «выбрались на большую дорогу цивилизации», именно потому, что они свернули с запасного пути, где им следовало бы оставаться якобы согласно их «исторической миссии»: воевать с Азией, в крайнем случае с Турцией... Сколько Кюстин ни говорит о том, что «чаяния России сводятся к притязаниям», и сколько ни бичует ее за поведение «высочки», ему все же приходится констатировать, что «ей хочется, в свою очередь, выйти на мировую арену», чтобы «повторить историю прославленных цивилизаций».

Неужели России с ее честолюбивыми желаниями суждено стать жертвой «прихоти своих хозяев» с их «досадным тщеславием выскочек»,

а также жертвой «страшных плодов политического самолюбия горстки людей»? Разумеется. Но Кюстин прекрасно понимает, что угроза, сведенная к «неестественным интересам» правителей, немногого стоит, коль скоро она не подкреплена боевым духом самих народов. Поэтому он всячески старается доказать, что жажда завоеваний, будучи даже косвенным следствием имперских амбиций, поистине вошла в плоть и кровь русских людей.

Первый наглядный способ доказательства, на котором маркиз, правда, долго не задерживается, заключается в апелляции к иерархической структуре общества, разделенного на 14 чинов еще в эпоху Петра Великого. «Из подобного общественного уклада, — замечает Кюстин, — проистекает столь сильная лихорадка зависти, столь постоянное напряжение умов, стремящихся к успеху, что русский народ, вероятно, стал непригодным ни к чему, кроме завоевания мира».

После этого явно неудовлетворенный Астольф обращает свои взоры на другой аспект проблемы давления власти на общество: дисциплину — слово, явно отягощенное военными ассоциациями. «Русское правительство — это лагерная дисциплина, сменившая гражданский порядок, это осадное положение, ставшее обычным состоянием общества». Отсюда логично напрашивается вывод, что всякий русский, который по сути своей «всего лишь татарин, насильственно взятый в солдаты», «рассуждает и живет по-солдатски». Но тут взыскательный ум маркиза в очередной раз заставляет его пойти еще дальше в своих теоретических построениях. Стоит ли обращаться к историческим параллелям — долговому порабощению русской земли монголами, а затем крепостному праву, — ради того, чтобы утверждать, будто «ее дети, привыкшие к рабству, до сих пор воспринимали всерьез только страх и жажду власти? Это не совсем так, но на сей раз маркиз страстно желает это доказать.

Главная мысль в его рассуждениях — самопожертвование. «Безусловно, если величие цели измеряется количеством жертв, — говорится в 20-м письме, — то следует предсказать этому народу мировое господство». Но что это за жертвы? Кюстин, в ряде случаев называющий русских «интересными» и даже «благородными», сожалеет, что их превратили во «выючных животных». «Смогут ли меня убедить, что нужно укладывать останки этого человеческого скота в землю слоями для удобрения почвы, дабы через несколько столетий эта земля смогла породить поколения, достойные славы, обещанной славянам Провидением?» Этот отрывок из 22-го письма посвящен, как кажется на первый взгляд, отнюдь не материальным сторонам подготовки к будущему величию ценой нескольких поколений принесенных в жертву людей. Он пронизан политическим смыслом. Дело в том, что русским пришлось пожертвовать собственной свободой, чтобы стать «людьми-автоматами». И тут за неимением ничего лучшего у них появляется потребность в компенсации.

Именно это утверждается в 15-м письме: «Человеку неведомы здесь ни подлинные общественные радости, доступные просвещенным умам, ни безраздельная и грубая вольность дикаря, ни независимость в действиях, характерная для полудикаря-варвара; я не вижу иного вознаграждения за несчастье родиться при подобном режиме, кроме честолюбивых грез и стремления к господству, поэтому я возвращаюсь к этой страсти всякий раз, когда собираюсь исследовать нравственную жизнь людей, обитающих в России».

Расставив все по своим местам, Кюстин может полностью изложить свою наиболее завершенную гипотезу о побудительных причинах, подталкивающих русских к завоеваниям: «В сердце русского народа бурлит необузданная непомерная жажда власти, одна из тех, что таится только в душах угнетенных <...> Эта нация, захватническая по своей природе, алчная в силу постоянных лишений, заведомо *искушает унижительной покорностью у себя дома стремление тиранить других*; уповая на славу и богатство, она забывает о собственном бесчестье; во имя очищения от скверны своего постыдного отказа от всех общественных и личных свобод, эта коленопреклоненная рабыня грезит о мировом господстве».

6. Маркиз размышляет: обман или реальность?

Тем не менее теперь, когда все кажется ясным, маркиз продолжает сомневаться. Одним словом, Кюстин задается вопросом, не стал ли он жертвой чудовищного обмана. Не принимает ли он сначала за подлинную волю к власти то, что мы назвали бы сегодня «мыслями для внутреннего пользования»? Его сомнения дают о себе знать в 19-м письме: «И тут встает главный вопрос: что такое захватнический дух, являющийся тайной сутью России, — приманка, способная прельщать недалекие народы в течение более или менее долгого времени, или то, чему суждено когда-нибудь воплотиться в жизнь?» Тут же Астольф признается: «Это сомнение неотступно преследует меня, и, несмотря на все усилия, я так и не смог решить этот вопрос». Временами это приводит нашего путешественника в сущую ярость: «Но, Боже правый! Для чего все эти уловки? Какой подходящий мотив можем мы приписать подобному притворству?»

К тому же маркиз слышит ряд доводов, противоречащих его излюбленному тезису. Русскую угрозу преувеличивают; русские по сути выдумщики, несерьезные люди, в то время как подлинное процветание немыслимо без научного созидания; эти люди ленивы, они хватаются за все, но ничего не заканчивают; «их мыслям недостает стержня, как и душам — свободы»; они не умеют находить полезного применения своему уму и т.д. «Из всего этого, — подводит итог Кюстин, — делается вывод, что Россия, дескать, могущественная у себя дома, грозная до тех пор, пока

она будет сражаться лишь с азиатскими народами, сломает себе шею в тот день, когда решит сбросить маску и начать войну с Европой для подкрепления своей заносчивой дипломатии».

Однако эти доводы, подобно вышеприведенному заключению, порождают еще больше сомнений в душе Астольфа, так как они совпадают со многими его собственными наблюдениями. Российское подражание Западу, занимающее важное место в доказательствах маркиза, в сущности, является признаком слабости. «Нельзя властвовать над тем, чему подражают», — признает он в «Кратком отчете о путешествии».

Другая весьма любезная сердцу Кюстина идея о склонности русских к притворству также способна внушить ему сомнения в истинном масштабе их силы: «Россия, — отмечал он в 15-м письме, — это империя каталогов; рассматривать коллекцию ярлыков — великолепное занятие, но не вздумайте заглядывать дальше названий. Если вы откроете книгу, то не найдете в ней ничего из обещанного: все главы в ней перечислены, но их еще предстоит написать. Сколько здешних лесов оказываются болотами, где вы не нарубите и вязанки дров!.. Отдаленные полки — это фикция, ведь в них нет ни одного солдата; города и дороги существуют лишь на бумаге; даже само государство не более чем афиша, вывешенная на обозрение Европе, одураченной этими дерзкими дипломатическими выдумками». Конечно, после посещения оружейного завода в Колпино маркиз на обратном пути полагает, что русский обман можно толковать по-разному: «Я увидел в Колпино такое величие и в то же время такую роскошь, поразившие меня во всех полезных сооружениях, созданных по приказу русского правительства <...> Здесь столько подлинной мощи, что не следует давать волю презрению, вызванному уловками, к которым это правительство привыкло прибегать, чтобы привести в восторг иностранцев; <...> ложь не всегда проистекает от слабости; иногда лгут лишь потому, что от рождения наделены умением искусно лгать; это талант, и всякий талант нуждается в применении». Однако такая резкая перемена в суждениях не мешает маркизу вновь сомневаться, недоумевая: «Но подумаем снова: кто мог заставить этого столь слабо вооруженного гиганта сражаться без доспехов <...>? Ведь промышленность в России только-только зарождается».

В сущности, подобные колебания свидетельствуют о недостаточной заинтересованности, то бишь осведомленности, Астольфа в экономических вопросах. Его характерная черта состоит в том, что он по всякому поводу вопрошает себя, как это русские смеют соваться в европейские дела. Ладно, пусть они отправляются «приобщать к культуре бухарцев и киргизов». Но претендовать на «мировое господство»... Наш путешественник со всей страстностью обращается к своим противникам: «Вы, вершители судеб Европы! О чем вы думаете? Вам ли нести культуру в суперцивилизированные страны, тогда как еще в недавнем прошлом вы сами

были ордой, которую держал в повиновении страх, во главе которой стояли дикари... с фиговыми листками вместо одежды!» И это в то время, когда сама страна «бурлит, обливается кровью и слезами внутри», страна, которая не может скрыть своих язв, «и каких язв? это же разъедающий все рак!».

Чтобы избавиться от сомнений, Кюстин мог бы, по крайней мере, сослаться либо на то, что это его личное убеждение («вот все, что я могу вам сказать: с тех пор как я оказался в России, будущее Европы представляется мне в черном цвете»), либо на авторитетность собственных доводов (впрочем, в другом месте говорится, что его суждения будут признаны достоверными «всяким человеком, осведомленным о ходе дел в Европе и посвященным в тайны государственных канцелярий за последние двадцать лет»). Но было бы несправедливо по отношению к нашему герою осуждать его, делая подобные замечания. Усилия по обобщению материала, которых он требует от читателя, будут, на мой взгляд, более оправданными, если он подтвердит свою в конечном итоге четкую позицию по вопросу о русской угрозе решающим доводом: сложной природой русского варварства.

7. Россия — современная варварская страна

Сложна природа русского варварства уже хотя бы потому, что Россия при всяком удобном случае прибегает ко всевозможным ухищрениям, заимствованным у византийской политики, чтобы извлекать выгоду из западных слабостей. «Если среди русских находятся такие искусные дипломаты, каких не сыскать у самых передовых и цивилизованных народов, — полагает Кюстин в 18-м письме, — это объясняется тем, что они заранее узнают обо всех наших событиях и замыслах из наших газет, ибо мы, вместо того чтобы благоразумно скрывать наши слабости, каждое утро истово разоблачаем их перед ними, в то время как их византийская политика, напротив, вершится в тени, тщательно скрывая от нас то, о чем они думают, что предпринимают и чего страшатся. Мы движемся вперед при свете дня, они же — под покровом темноты: наши ставки не равны. Неведение, в котором они нас держат, вводит нас в заблуждение, а сами они просвещаются за счет нашей искренности; наша слабость — в болтливости, их сила — в скрытности...»

Русское варварство изобретательно еще и потому, что придумывает в своих корыстных целях новые стратегические приемы, в том числе такой, который впоследствии назовут подрывной деятельностью: «Россия считает Европу добычей, которая рано или поздно ей достанется благодаря нашим разногласиям; она разжигает у нас анархию в надежде воспользоваться коррупцией, которой сама способствует, ибо та отвеча-

ет ее интересам: это история Польши, возобновленная с большим размахом».

Наконец, изобретательно русское варварство в особенности потому, что в его арсенале — современное вооружение («к сожалению, у дикарей есть огнестрельное оружие»), а также современные политические методы: «Представьте себе, — поясняет 15-е письмо, — что мастерство наших проверенных веками правительств состоит на службе у более молодого и хищного общества; западные властные структуры со всем их современным опытом потворствуют восточному деспотизму; европейский порядок поддерживает азиатскую тиранию; дисциплина служит для сокрытия варварства, дабы оно сохранилось навеки, вместо того чтобы его искоренять; узаконенная сила и жестокость, а также тактика европейских армий способствуют укреплению восточной политики...»

Кюстин, в сущности используя метод, к которому будут прибегать впоследствии некоторые советологи, показывает, таким образом, что Россия опасна, ибо она присовокупляет к своей исконной дикости утонченные приемы, заимствованные у Запада. Следующий отрывок из 5-го письма, в котором фигурирует данное суждение и где опять-таки сосредоточены все достоинства и недостатки сочинения Кюстина, как бы подводит черту под этим умозаключением: «Когда наша космополитическая демократия принесет свои последние плоды и внушит всем народам ненависть к войне, когда так называемые самые передовые нации мира обессилят от своего политического разврата и, падая все ниже и ниже, погрузятся в спячку и станут предметом всеобщего презрения, вследствие чего всякий союз с этими обеспамятевшими от эгоизма государствами будет признан невозможным, тогда наши северные границы снова рухнут, и нас ожидает последнее нашествие уже не диких варваров, а хитрых и просвещенных, знающих больше нашего хозяев земли, ибо они научатся, глядя на наши собственные злоупотребления, как можно и как должно нами управлять. Провидение недаром сосредоточило столько бездействующих сил на востоке Европы. Однажды спящий великан проснется, встанет на ноги, и сила положит конец господству слов».

Библиография

В данном случае основным источником, безусловно, является четырехтомник «Россия в 1839 году» («La Russie en 1839»), опубликованный в издательстве «Амьб» в 1843 году. Читатель, который пожелает ознакомиться с жизнью и чрезвычайно сложной личностью маркиза де Кюстина, сможет обратиться к справочнику маркиза де Люппе «Астольф де Кюстин» («Astolphe de Custine»), выпущенному издательством «Дю Роше» (Монако) в 1957 году. Кроме того, Жюльен-Фредерик Тарн опубликовал в издательстве «Файяр» монографию размером в более чем 800 страниц «Маркиз де Кюстин» («Le Marquis de Custine»), свиде-

тельствующую о благородном стремлении реабилитировать эту историческую фигуру.

Возможно, сюда же следует добавить несколько историографических источников в качестве дополнительной информации о книгах, которые Кюстин мог читать на французском языке по теме своего исследования. «Государство Российское и Великое Московское княжество» («L'Etat de l'Empire de Russie et Grand-Duché de Moscovie») Жака Маргерита — это самый ранний, заслуживающий уважения труд, но он явно безнадежно устарел, так как относится к 1607 году (тем не менее его переиздавали в 1860, 1946 и 1983 гг.). Дата выхода в свет «Истории России и основных народов, населяющих Российскую империю» («L'Histoire de Russie et des principales nations de l'Empire russe») Пьера-Шарля Левеска более приемлема (четвертое издание появилось в 1812 году), но, как известно, это произведение носит крайне русофильский характер; так, предисловие к первому изданию (1781 г.) начинается со слов: «Ныне взоры всей Европы, кажется, обращены на Россию, и чем дольше мы преувеличивали ее дикость, тем больше нас удивляют сегодня ее достижения». Одиннадцать первых томов Николая Карамзина («История государства Российского»), изданных в 1816—1824 годах, были переведены на французский язык Сен Тома и Жоффре и опубликованы в 1819—1826 гг. под названием «История Российской империи» («L'Histoire de l'Empire de Russie»). Двенадцатый том Карамзина увидел свет в 1829 году, после смерти этого прославленного историка, но уже в тот период, вероятно, был расценен как слишком «официальный и назидательный». Наиболее известные французские издания XIX века на эту тему — «История России» («L'Histoire de Russie») Альфреда Рамбо и «Царская империя и русские» («L'Empire des tsars et les Russes») Анатоля Лёруа-Больё — появились спустя значительное время после смерти Кюстина.

Соколофф, Ж. Бедная держава [Текст] / Жорж Соколофф ; пер. с фр. Н. Ю. Паниной ; науч. ред. пер. Е. Г. Ясин ; науч. консульт. Ю. И. Рубинский ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 882, [2] с. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0552-6 (в пер.).

Жорж Соколофф — доктор политических наук, почетный профессор, советник парижского Центра перспективных исследований и информации, член редколлегии журнала «*Courrier des pays de l'Est*» и автор нескольких книг о России: «Метаморфоза России», «Послушная экономика: политическое решение. Экономическая жизнь в СССР», «Экономика разрядки: СССР и западный капитал». В настоящей книге он продолжает традицию лучших российских историков — писать о судьбе государства увлекательно, опираясь на характеры и поступки действующих лиц истории, прослеживая логическую связь между государственными проблемами и способами их решения, к которым прибегали государственные деятели России с 1815 г. до наших дней. И как же поверить в то, что, по Ключевскому, Россия страдала от «неестественного отношения внешней политики государства к внутреннему росту народа», когда Генрих, брат Фридриха II Прусского, предупреждал, что стоило бы остерегаться силы колосса, а не состояния его ног! «На Западе было сломано немало копий в спорах о том, таит ли Россия в себе угрозу или скорее внушает жалость. Разве можно представить себе слабо развитую сверхдержаву, да еще такую долговечную?» — в этом Ж. Соколофф видит главный российский парадокс и пытается найти ему историческое объяснение.

Для всех интересующихся историей России.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)

Научное издание

Соколофф Жорж
Бедная держава

Перевод с французского

Второе издание

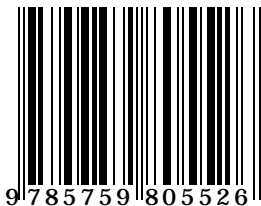
Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*
Редактор *Г.Е. Шерихова*
Художник обложки *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка: *А.В. Плотников*
Корректор *П.М. Коваленко*

Отпечатано при содействии ООО «МАКС Пресс»

Подписано в печать 12.11.2007. Формат 70×100 1/16
Печать офсетная. Гарнитура «BalticaС». Бумага офсетная
Усл. печ. л. 71,83. Уч.-изд. л. 63,15. Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 916

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

ISBN 978-5-7598-0552-6

9 785759 805526